

ТАТЬЯНА
МОРОШКИНА

КОРОЛЕВА

Терапевтическая сказка

Татьяна Морошкина

Королева

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70329679
SelfPub; 2024*

Аннотация

Из каких кладовых нашего подсознания рождаются таинственные сновидения? Своим волшебным пологом расцвечивая наши сны, они открывают нам вход в бесконечное внутреннее измерение – в звездную лабораторию, где скромный королевский звездочет Готье из подручных средств изобрел волшебные очки, помогут ли они ему заменить телескоп и предсказать судьбу королевы и влюбленного в нее графа? Как скажется на судьбе графа увлеченность его матери греческими мифами, сделает ли граф ход конем: примерит на себя, нет, не шапку Мономаха, а всего лишь скромную бархатную мантию Повелителя обители гор? И так ли безобиден жареный петух, который еще никого не клонул, но уже собирает свое войско против хрупкого королевства Сель-Арме. На эти вопросы попытается ответить терапевтическая сказка «Королева».

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Граф	15
Глава 2. Сеи Нерим	35
Глава 3. Повелитель	59
Глава 4. Волшебницы таинственных гор	79
Глава 5. Он и она	94
Эпилог	110

Татьяна Морошкина

Королева

Посвящается

Моим родителям

Татьяне и Сергею

Танюшке Цавне (*королеве*)

В день ее совершеннолетия

И полного непослушания

Моим близким -

Валентину и Марине

Елене Воробьевой –

Моему первому и бесценному читателю

Действующие лица:

Нита – Королева Лета

Иф Погиз! – граф Агссолеи

Сеи Нерим – **сестра графа**

Рекардо – неунывающий осел

Ли МУ? – наставник Ниты от рождения

ГОэ – племянник **Ли МУ**

Ярогдын – еще один племянник **Ли МУ**

ЖАРЕННЫЙ ПЕТУХ – рыцарь огненного клюва

Волшебницы таинственных гор:

– **Лояв**

– Веар

ПОВЕЛИТЕЛЬ ОБИТЕЛИ ГОР:

– УРНАТС

И другие:

Венсан – королевский доктор

Готье – королевский звездочет

Бернадет – ну, очень серьезная придворная дама

Генриетта – молоденькая девушка

Пролог

Легкой походкой, легким звучанием своего имени Венсан впорхнул в нарядно благоухающую залу королевского дворца, где придворные дамы уже смаковали последнюю новость – рождение девочки, будущей королевы. Особую приятность разговора для них составляло их предположение, что будущая королева не будет счастливой.

Венсан решил вступить за это крохотное существо, которое сегодня утром он осматривал: «Эта девочка родилась под счастливой звездой, она это мне без слов доказала, укусив мой указательный палец, когда я легкими движениями пальцев постукивал по ее хрупким плечикам».

– Вы всего лишь доктор, а не знаток женского сердца, – возвысила свой голос над несмолкающим женским щебетанием старшая придворная дама Бернадет, – и как укус может нам доказать, что она будет счастливой?

– Очень просто, – оживился Венсан, ему очень нравилось дразнить придворных дам, – укусила – значит живая и подвижная девочка, которая всегда возьмет свое.

– Этикет возрастит из нее настоящую даму, и она не будет кусаться, – сердито наступала на Венсана Бернадет.

– Ваш этикет возрастит еще одну ханжу и лицемерку.

И чувствуя, что растревожил священного дракона мадам Бернадет, он решил поскорей ретироваться и сделал знак ко-

ролевскому звездочету Готье, с которым он хотел пообщаться тет-а-тет.

– Ах, как бы преобразился этот мир, если бы дамы были неутомимы в любви, но, к сожалению, никто не изобрел вечный двигатель, – заговорщически произнес Венсан, когда дверь за ними притворилась, – А знаете Готье, я когда-то был без памяти влюблен в Бернадет, страстно хотел срывать с ее губ поцелуи, а не слова, которые она сейчас мечет передо мной, словно икру. Она мне отказала, и я очень рад такому исходу, иначе мне всю жизнь пришлось бы жить с фурией.

– А вы сплетник, – рассудительно изрек Готье.

– Как в окружении осинового гнезда не стать им, – но в оправданье себе добавил, – но я работаю над собой.

– Это хорошо, очень хорошо, но, к сожалению, неисправимо. Планеты в наших домах подмигивают нам, постоянно напоминая о себе. Что же, мой друг, сейчас речь не о нас, а о молодой поросли, которая будет расти после нас, – А она правда укусила вас за палец? – поинтересовался Готье.

– Я пошутил, это очень милое и нежное существо.

– Я никак не могу привыкнуть, когда вы говорите правду, а когда шутите.

– Я тоже, – отшутился Венсан, – и все же, Готье, если женщины по воле создателя лишись бы своей гордыни и эгоистических повадок, мужчины порхали бы в благоухающем цветнике.

– Не обольщайтесь, Венсан, не только над женщинами, но

и над мужчинами необходимо было бы поработать создателю, но он давно махнул на нас рукой. Не разлучайте в своем уме влюбленных, эту божественную пару, над созданием которой, может быть, сейчас и трудится наш неутомимый молчаливый зодчий вселенной, – и нежно потрепав весело колосящуюся шевелюру Венсана, добавил, – Отпустите, наконец, свою Бернадет, пускай себе летит.

– Не могу, пока не получается, но надежда не покидает меня.

– Это хорошо, очень хорошо, – закруглил их разговор своей любимой фразой Готье и распахнул перед Венсаном дверь в святую святых – свою звездную лабораторию.

В большом просторном кабинете, который Готье оборудовал под исследовательскую лабораторию, царил полумрак. К удивлению Венсана там не оказалось ни одного прибора, инструмента, стола, словом, ничего, что отдаленно напоминало бы ему лабораторию ученого.

– Что вы здесь делаете? – удивленно протянул доктор.

– Отдыхаю, – невозмутимо ответил Готье.

– А как же исследования? – не отставал от него Венсан.

– Отдыхая я работаю – ответил Готье, – Садитесь поудобнее в кресло, мы начинаем наше представление, которое самый лучший театр в мире не сможет вам никогда представить, – и он пододвинул небольшое кресло своему гостю и протянул ему волшебные очки.

– Что это? – Венсан в недоумении рассматривал неболь-

шую прямоугольную коробку с прорезью для глаз.

– Это мое ноу-хау. Стоит вам только поднести эту безобидную коробку очень близко к своему лицу, как она тотчас приобретет форму вашего лица и создаст невидимый купол вокруг вас, который будет вас защищать от любых звуков. И вы станете невидимым для окружающих, а значит неуязвимым, – и тут же тихо рассмеялся, – Вы бы видели свое лицо Венсан, разум мешает вам расслабиться и просто поверить мне на слово.

Венсану ничего не осталось сделать, как поверить звездочету. И о, чудо, он вдруг перестал чувствовать свое тело, словно всеобъемлющая душа, он стал парить, оторвавшись от начищенного паркета.

– Возвращайтесь назад в кресло, – нежно попросил его Готье.

– Вы сказали, что я буду защищен от любых звуков, а я хорошо слышу Ваш голос.

– Мы не слышим друг друга, а только передаем и улавливаем импульсы, – пояснил Готье.

– У вас профессор, можно я буду вас теперь так называть, очень интересная и непонятная теория, изменяющая и превращающая все в этом мире в соответствие с вашими вкусами и предпочтениями.

– А разве не так нужно жить? Жить с верой в самого себя. Я родился очень хилым ребенком, в меня никто не верил, никто, кроме меня самого. И вот я здесь в королевском дворце,

занимаюсь своим любимым делом, но мы отвлеклись, мой друг, прошу вернуться в кресло, нас ждут великие дела.

Как только Венсан вернулся в кресло, перед ним неожиданно опустился темно-синий сверкающий занавес, и доктор представил, как по мановению фокусника занавес поднимется, и перед ним предстанет долгожданный телескоп, и они с Готье займутся наконец-то делом. Неожиданно занавес взвился, и какая-то неземная сила увлекла ничего не подозревающего доктора со скоростью света во Вселенную. Вселенная оказалась не такой гостеприимной, какой она казалась Венсану, когда он смотрел на нее с Земли. Он почувствовал себя чужеродной, ничтожной частицей в холодном бескрайнем просторе Вселенной. В чем действительно оказался прав профессор, так это в том, что здесь действительно не было не только никаких звуков, но и импульсов, которые хоть как-то сейчас согрели бы его одинокую душу. Оказывается, не так много нужно человеку для счастья, всего лишь почувствовать землю под ногами. Сейчас Венсан был согласен и на эту вечно жужжащую Бернадет, лишь бы не быть одному. Уроки звездочета он запомнит на всю оставшуюся жизнь, если, конечно, вернется на Землю: *«Но подождите, Готье, я доберусь до Вас!»* И он стал лихорадочно соображать, как ему вернуться назад, или звездочет так пошутил, и он застрянет здесь навечно: *«В Вечности навечно – а, что, красиво звучит эта фраза, – неожиданно развеселился Венсан»*. Шутки шутками, пора возвращаться назад, и Венсан

инстинктивно прикоснулся к своему лицу, что-то давно ему мешало. А, так это чертовы волшебные очки! Будь, что будет! И он сдернул их и вернулся в своем прежнем комфортное состояние. Венсан снова сидел в кресле и рядом с ним был Готье. Как же хорошо, снова почувствовать свое тело, шевелить ногами.

– А вы, Готье, шутник, – Венсан укоризненно взглянул на звездочета.

– Не только вам позволено шутить, – добродушно улыбнулся Готье.

– Я очень легко шучу, а вы, профессор, по-крупному.

– А я думал, что вам понравится, я так давно такие вояжи совершаю, – примирительно ответил Готье.

– Что хорошо одному, не есть хорошо другому. Я ведь новичок и совершенно не подготовлен к таким сюрпризам, тем более от вас, от безобидного, на первый взгляд, королевского звездочета. Не бойтесь, что я могу все рассказать о ваших изысканиях?

– Я знаю, Венсан, что человеку очень трудно хранить тайны, но эту вы сохраните, иначе перед судом мы предстанем вместе, вы как соучастник, – улыбнулся Готье.

– А вы, профессор, оказывается, не прост, – усмехнулся Венсан.

– Жизнь научила, – пожал плечами в ответ Готье.

– У нас очень мало времени остается, давайте займемся делом, – резко вскочил с кресла Венсан.

– У нас впереди целая вечность, мой друг, – и он вывел доктора на балкон, – Посмотрите, Венсан, все в природе не любит суеты. Посмотрите, как звезды медленно изливают на нас свой свет, прислушайтесь к тишине, как она обволакивает вас, приглашая ко сну. Все в мире происходит очень медленно, и только человек вносит в этот мир суету. Думайте, говорите, читайте, лечите, ходите, любите, только всё очень медленно. Природа не любит резких движений, тем более, когда это делает человек.

– Чем же провинился человек?

– Ничем, просто он живет не в согласии с природой, человек получился наделенным разумом, но совершенно неразумным существом. Мне кажется, Венсан, после небольших потрясений вы расслабились, а значит, готовы усвоить небольшую толику информации. Прошу снова вернуться в кресло.

Доктор недоверчиво посмотрел на одинокое кресло, и, несмотря на внутренний протест, вернулся к нему. Может, он действительно устал и ему необходимо просто расслабиться и довериться Готье без лишних вопросов.

И перед Венсаном снова возник этот злосчастный занавес, на материи которого стали появляться в определенной последовательности маленькие огоньки, которые постепенно стали приобретать знакомые символические очертания астрологических созвездий. От этого живого полотна струился лунный свет, который успокаивал и вводил двух, уже не мо-

лодых людей, в состояние медитации.

И первый аспект, к которому обратили свое пристальное внимание мужчины, конечно же, был сектор любви. Они увидели, как беспечный Меркурий в сладостном предчувствии принимает из рук Венеры ее волшебный пояс любви.

– Посмотрите, Венсан, Меркурий с Венерой облюбовали себе место в голубой лагуне созвездия Рыб, лучшего места для любви и не придумать.

– Откуда, Готье, у вас такие познания в этой области?

– Все очень просто, вода расслабляет наше тело, в этой стихии мы такие свободные и естественные. Ведь не случайно из морской стихии вышла одна из прекраснейших богинь – богиня любви Афродита.

– Как бы я хотел оказаться сейчас на месте Меркурия. И что же предвещает нашей будущей королеве этот союз?

– В первую очередь, это невероятное излучение красоты и гармонии в этот мир, а для будущей королевы, сами понимаете, как это важно. К тому же она будет обладать очень мягким и мелодичным голосом, не лишена будет способности к литературе и поэзии, проглядываются в ней и задатки медиума. Она встретит свою любовь!

– Как же наши дамы будут завидовать королеве.

– А вы о них не думайте. К тому же ее яркое Солнце в созвездии Овна преодолет любые невзгоды, все препятствия на ее пути. А королевой она станет не только по праву престолонаследия, но и благодаря тому, что в момент ее рожде-

ния владыка Олимпа призвал на трон царственного Льва.

– А есть у нашей героини хоть какие-то изъяны? – вкрадчиво поинтересовался Венсан.

– Как же без них. И на солнце есть пятна. Как любой особе королевской власти ей будет присуще заносчивость и высокомерие. Непостоянство ее Дианы будет проявляться в ее жизни вспышками нетерпения и капризности.

– А, если иначе сказать – вспышками солнечной активности.

И вдруг из мягкого лунного света стал вырисовываться золотой баран, который своим нетерпеливым копытом стал взбивать вокруг себя золотистую пыль, пока из нее не возникла необычайной красоты девушка в воздушном платье из органзы, которую Овен должен будет доставить целой и невредимой к ее земному воплощению.

– Как она прекрасна! – прошептал Венсан.

– Одним словом – КОРОЛЕВА!

Глава I. Граф

Ифа Погиза мать с детства ласково называла меткой стрелой и рассказывала ему легенду, что он был подброшен в колыбель самой Артемидой. Конечно же, она шутила, но ее увлеченность греческими мифами, где лишь немногие смертные были достойны родиться от бессмертных богов, со временем переросла в такую веру в сына, что ему ничего не оставалось сделать, как стать очень метким непревзойденным стрелком и поверить в свою божественную силу. Но вот, что эта была за божественная сила, мать утаила от него. С этой верой в сердце он и жил. Граф знал, что нет такой двери, которая бы этой стрелой с легкостью не открылась бы перед ним. Он не любил долго сидеть на одном месте, поэтому много путешествовал, стрелой проносился мимо людей, событий, не задерживаясь подолгу на причале. Его одинокое графство без него стало потихоньку превращаться в унылый уголок. Но однажды (*все случается однажды*) произошло событие, перевернувшее его жизнь. Он увидел ее! Это было как раз в один из тех унылых дней, когда он возвратился из своего долгого путешествия и решил поохотиться в лесу. Неожиданно эту чудесную затею пришлось прервать, потому что он увидел стоящие на солнечной дороге экипажи ее Величества. Он замер в нерешительности: выйти навстречу или продолжить свой путь. Второй вариант был гораздо ра-

зумнее первого, но вдруг, и это «*вдруг*» оказалось сильнее графа, потому что он увидел девушку необычайной красоты в золотом платье из органзы. Она вся сияла в ярких лучах солнца. Это была юная королева.

– Что вы здесь делаете? – возмутился сопровождавший королеву немолодой худосочный мужчина, ему очень не хотелось, чтобы молодые мужчины, особенно привлекательной наружности, так откровенно любовались бы королевой.

– Любуюсь природой, – невозмутимо ответил граф и представился королеве.

– Я впервые вас вижу, – неожиданно вступила в разговор королева. Она почему-то обрадовалась новому лицу, а особенно тому, что оно так откровенно любовалось ей.

«Это козни Артемиды, что именно в лесу, в ее владениях я неожиданно для самого себя влюбился. Поохотился», – подытожил граф.

Худосочному мужчине, который сопровождал королеву на прогулке, не понравилось, что королева стала проявлять в общении с графом несвойственную ей игривость, стала такой веселой и непринужденной. И, нарушая все приличия, сама пригласила его на один из балов, который он мог выбрать на свое усмотрение. Графу же такая свобода пришлась по сердцу.

Имея титул графа, он не особо задумывался над той жизнью, которая была предписана самой судьбой этому титулу. Уроки танцев очень часто пропускал, так как считал это пу-

стой тратой времени, зато фехтование и верховая езда была всегда у него в почете. Легко гарцуя по жизни, граф сейчас оказался перед неразрешимой дилеммой: также легко продолжать гарцевать одному или ...? И вот это «или», которое неудержимо влекло его в королевский дворец, который в конечном итоге ограничил бы его свободу, нежно сейчас играло на струнах его души. Нахлынувшее чувство влюбленности, в конце концов, в душе графа победило. И он стал собираться на бал.

Королевская бальная зала встречала гостей своим великолепием, и они отвечали ей изысканной утонченностью своих нарядов и блеском драгоценных камней. Торжественный полонез открыл королевский бал, и тот самый чудосочный мужчина, который так не понравился графу, теперь важно вел одетую в белое атласное платье королеву. Граф быстро взглянув на королеву, решил больше не смотреть на нее, проявив тем самым светскую учтивость, но эта светская учтивость не пришлась по душе королеве, задев ее самолюбие.

Графу, привыкшему к быстрому темпу своей жизни, было очень непривычно с медленной торжественностью шествовать, ведя доверенную ему партнершу. Зазнаек и выскочек этот танец не признавал, но и в нем дамы и кавалеры успевали себя занять, старались использовать все преимущества, предлагаемые этим плавным и медленным танцем. И предполагаемая в этом танце смена партнеров позволяла молодым людям обмениваться многозначительными взглядами и

легкими рукопожатиями. Юные создания поощряли понравившихся им мужчин обворожительной грацией движения своих рук и нежной улыбкой. Но графу, на удивление, досталась весьма бойкая девушка, которая была решительно настроена, и делить его с другими партнерами в следующем танце мазурке не собиралась.

По поведению музыкантов и заключительным аккордам музыки танцующие пары почувствовали, что полонез, как некая репетиция перед своеобразным праздничным фейерверком – веселой мазуркой, подходит к концу, шаг их стал свободнее и непринужденнее. И когда, после небольшой передышки, наконец-то, началась радужная мазурка, всё пришло в движение, в зеркалах замелькали и стали отражаться счастливые лица. Как отличный фехтовальщик граф владел своим телом и очень быстро вошел в ритм танца, пригласив ту самую смелую девушку, которую звали Генриеттой. Вместе они легко понеслись по кругу, согласованность их движений могла поведать окружающим, что они давно знают и любят друг друга. Но, увы, они впервые здесь встретились. Увлеченные приподнято веселым настроением музыки, которая сама выталкивала танцоров в легкие прыжки, они очень быстро стали ведущей парой бала, которая невольно останавливала на себе взгляды. Раскрасневшаяся от удовольствия Генриетта и граф в едином порыве звучания своих сердец парили, едва касаясь паркета. Это уже была своеобразная заявка на полет души и тела. Если бы рядом оказался

пьедестал, то они бы на него легко взлетели, и оттуда бы принимали восторженные аплодисменты публики. Но, увы, своим чересчур свободным танцем они всколыхнули консервативное общество, вызвав в нем тихое, как шорох, недовольное перешептывание.

– Как это нескромно, – покачал головой худосочный мужчина, взглянув на королеву, которая от досады нервно обмахивалась веером.

Ничего не подозревающий граф отдался на волю танцу, его же сама королева так искренне пригласила на этот бал. Он и не мог подумать, что невинный танец с Генриеттой так взбудоражит юную королеву. Но он должен был подумать об этом, по крайней мере, так считала королева. Но молодость и горячая кровь увлекли графа, и он на время забылся, или это был его коварный план, чтобы вызвать ревность королевы, этого мы, к сожалению, никогда узнать не сможем.

Наконец-то, закончилась эта утомительная для королевы мазурка, после непродолжительно перерыва начался вальс. Граф внимательно наблюдал за королевой, танцевать он больше не хотел. Очень странная тройца сейчас окружала королеву. Один из них, тот самый недоброжелательный мужчина, которого он уже видел на проселочной дороге, который к удивлению графа имел такое странное и непривычное имя – Ли МУ, приходился двум другим юнцам дядей. Они его беспрекословно слушались. Граф провел свое собственное маленькое расследование, ведь окружая королеву, они

имели влияние на нее. Одного из племянников звали Ярогдыном. Со слов Генриетты он называл себя последним из янычар, в нем не просто текла, а бурлила кровь его далеких предков. При этом он не принял участия ни в одном военном походе, и скорее всего, даже и не собирался, но гордость за своих далеких предков его переполняла. Другой же племянник ГОэ, этимология имени которого тоже была неизвестна, на первый взгляд, казался скромнее, просто он был хитрее Ярогдына, а значит, умел хорошо маскировать свои чувства и желания, которые с лихвой покрыли бы сейчас собой этот огромный паркетный пол во дворце ее Величества. ГОэ, взглянув на одиноко стоящего графа, что-то шепнул на ухо нерасторопному Ярогдыну, и тот ответил ему в ответ кивком головы и на время растворился среди танцующих пар. И, оказавшись за спиной графа, сильно толкнул его. Но граф не растерялся: в полете он быстро поймал за талию Генриетту, которая ничего не подозревая сейчас кружилась в вальсе с посланцем, и, лишив ее партнера, очень быстро взял инициативу в свои руки, закружил и унес ее в вихре вальса от посторонних глаз.

– Я спасла вашу честь, теперь вы обязаны на мне жениться, – с прямодушной уверенностью заявила она графу.

– Я подумаю, – скромно отозвался граф, он не любил отказывать, тем более таким прекрасным девушкам, какой считал Генриетту.

– Вы ничего не ответите на эту выходку? – она смотрела

на графа как на драгоценность, принадлежащую только ей одной.

– Дурака учить – только портить. Они очень забавные ребята. Зачем портить праздник?

А праздники граф действительно после этого бала горячо полюбил. Тем более там он снова сможет увидеть королеву и всей душой ощутить ее присутствие.

«Как сейчас королева далека и недоступна. Но нет такой двери ... – сразу успокоил себя граф, – Я еще и не начинал этот штурм».

После короткого лирического отступления граф снова позволил себе взглянуть на королеву. Их взгляды встретились, и он увидел, что она была его поведением очень недовольна: за его внимание к молоденькой Генриетте, за то, что он так сильно понравился приглашенным дамам, а может, и за то, что он так хорошо умел танцевать.

«Как донести до прекрасной головки королевы, – думал он, – что все его танцы с юными козочками останутся всего лишь прыжками. А она его единственная женщина, с которой он на всеобщем обозрении никогда бы не захотел танцевать, настоящее чувство требует безмолвия и уединения».

Он уловил, что в их отношения уже установилась некая интимность супругов, себя он почувствовал провинившимся супругом, и чтобы хоть как-то сгладить неловкость этого вечера, направил воздушным поцелуем к ней маленькое облачко в виде нежного барашка. И оно ведь действительно, как

и хотел граф, достигло королевского чертога, опустилось на ушко королевы и нежно пощекотало его, потом направилось в сторону алых щек и губ ее, легко, словно перышко, слегка прикоснулось к губам и задержалось на мгновение, сладкое мгновение для двоих. Они оба ощутили нежность этого поцелуя на своих губах. Щеки королевы зарделись. Королева и граф продолжали через огромную бальную залу смотреть друг на друга, не замечая никого вокруг.

Когда взволнованный граф вернулся домой, он почувствовал, что этот еще недавно такой маленький огонечек влюбленности начинает в его душе разгораться в огромное чувство любви и нежности к ней. Теперь ему необходимо о королеве знать все!

Единственное место, где подолгу любила гулять королева, был ее сад. Но в этом саду совершенно не было цветов, там росли одни деревья. Старый садовник Луи однажды заикнулся, что было бы не плохо в саду разбить цветник. Но вездесущий Ли МУ мгновенно черной тенью навис над ним: «Не смейте при королеве даже упоминать слово «цветы», у нее страшная аллергия на пыльцу!». И доверчивый садовник поверил ему на слово, разве мог он знать, что наставник королевы терпеть не мог все красивое и благоухающее. Но граф Агссолеи был свободен в этой жизни от сделок, скрепленных печатью, клятв, темных тайн, его наивность, а, может, она была мнимая, история об этом умалчивает, позволила ему с легкостью проскользнуть через все препоны, чинимые Ли

МУ, и он быстро вошел в доверие к садовнику, сообщив ему, что аллергия у королевы мнимая, королева даже и не догадывается, что она у нее есть. И Луи с радостью предоставил сад в его полное распоряжение. И граф, засучив рукава своей белоснежной батистовой рубашки, принялся за работу, которую он не мог доверить никому, ведь это касалось боготворимой им женщины. Его чувство к ней, о котором она даже не догадывалась, должно было стать для нее цветущей волшебной планетой. Свою нежность к ней он хотел бы представить в виде нераспустившихся белоснежных бутонов, защитить ее жизнь от напасти белоснежной кувшинкой, непередаваемость своего чувства к ней выразить дикой орхидеей. Этот немой язык цветов, который он хотел для нее создать, был красноречивей любых слов о любви. Граф не скупился на выражение своих чувств, и маленький цветник, разбитый им, на глазах стал расти и очень быстро превратился в нежное море цветов: от маленьких незабудок, богатых георгинов, пышных гортензий, открытых солнцу гербер, грациозных лилий, диких орхидей до чудесной протеи и причудливой пассифлоры. Нежные и доверчивые ждали они, когда он взмахнет своей дирижерской палочкой. У графа все было точно рассчитано, он знал, когда и как определенный цветок должен будет зазвучать.

Никто бы не смог так захватить воображение королевы своим королевским нарядом, как георгины, они и начали в полувоздушном вальсе играть первую скрипку. Раскрыва-

ьясь, они создавали, словно в калейдоскопе, быструю смену разнообразных цветных узоров. Изыскано утонченный оттенок в этот танец внесла своеобразная маленькая принцесса – плюмерия, ее небольшие белоснежные соцветия, подсвеченные изнутри нежным солнцем, завораживали своей девственной красотой и неповторимостью. Среди этого моря цветов она, как солнечный зайчик, на мгновение появлялась и тут же исчезала. В такт этой сказочной феерии своеобразным гимном солнцу и свежему ветерку выступали лепестки добродушно открытой герберы и ее сестер. В этом созвучии танца и света они не мешали друг другу, словно нежные танцоры, они в унисон раскрывали свои соцветия, обвораживая своей красотой, оттеняли друг друга. Гармоничный язык их танца и нежная уязвимость говорила о быстротечности прекрасного мгновения, которое необходимо ценить, пока его не унесли от нас крылья бабочки.

В этом невинном, на первый взгляд, вальсе цветов Ли МУ почувствовал скрытую для себя угрозу: «Как хитер этот граф, как невинно он соблазняет нашу юную, неопытную в таких делах королеву». Особенно пристальное внимание заслуживала жемчужная лилия, эта неизвестно откуда возникшая прима, которая так недвусмысленно открывала свою сердцевину навстречу графу своими нежными, беззащитными тычинками, трепещущимися сладкой негой и тотальным желанием.

Но, что было в этом такого предосудительного, граф был

молодым мужчиной, и все человеческое ему было не чуждо. Ли МУ с тревогой взглянул на королеву, которая не могла оторвать свой взгляд не только от нежно трепещущих в солнечных бликах цветов, но и, к его большому сожалению, от графа.

– Это настоящее колдовство, в давние времена его бы . . . , – прошипел Ли МУ себе под нос, – но нужно срочно спасать положение, пока королева не увлеклась графом.

Он тихо подкрался к королеве и занял выгодную позицию возле ее нежного ушка.

– Моя королева, вы же знаете, что я, как никто другой, предан вам и желаю Вам всего самого лучшего. Вспомните мои рассуждения о Синей Бороде, какая страшная участь ждала прекрасных юных созданий от их союза с Синей Бородой, а причиной тому была их злосчастная женская любопытность. Граф, он как дьявол искуситель, обольщает красотой, но стоит вам только оказаться в его полном распоряжении, в его Агссолеи, я чувствую, что мы вас больше никогда не увидим.

Его логическая тирада вернула ее в то время, когда она была совсем маленькой девочкой, которую все называли просто «Нита». Рано лишившаяся родителей, она была уязвима для этого жестокого мира. Особенно она не любила вечернее время, когда к ней в комнату заходил ловкий интриган Ли МУ, после смерти ее родителей получивший доступ к ее мыслям. Заходил он не один, в руках он держал свою

заветную книгу «Синяя Борода».

– Ну-с, начнем-с, – и в его глазах вспыхивали угольки, и он в предвкушении потирал свои руки.

Особенно ему нравился тот момент в книге, когда несчастную, провинившуюся жену ждало возмездие. Голос его затихал, и он начинал читать очень медленно, смакуя не только каждое слово, но и звук в нем. И может потому, что он читал страшные моменты в книге очень медленно, у маленькой девочки сложилось такое впечатление, что в сказке ужасные вещи всегда совершаются очень медленно. Нита, живо представлявшая себя на месте жертв, была девочкой не робкого десятка, и ее мозг тут же начинал работать в усиленном режиме, который живо подсказал ей, что вся сила этого страшного человека заключается в его синей бороде. И пока злодей медленно заносил нож над несчастной жертвой, у Ниты созрел план по своему спасению, она вспомнила, что в саду у доброго садовника Луи находится секатор, вот им она и решила воспользоваться, чтобы в клочья уничтожить эту проклятую синюю бороду этого кровожадного чудовища. Пока Ли МУ медленно читал, она мысленно успевала сбегать в сад и уже неслась с секатором навстречу Синей Бороде. В этом момент в ее глазах вспыхивали веселые огоньки, и она ловко состригала бороду, а без бороды злодей превращался в маленького обиженного гномика и быстро убегал от нее. Ли МУ, наблюдавший за Нитой, был обескуражен ее неожиданной реакцией.

«Странная реакция у этой смышленной девочки, почему она так хитро улыбается? Задумала что-то? Правильно, что я не женился, от этих женщин можно ожидать чего угодно».

Королева нетерпеливо взглянула на своего наставника: «Как жаль, что у него нет синей бороды, а то я тотчас бы лишила его силы».

Верткий Ли МУ, знавший королеву как своих пять пальцев, быстро почувствовал в ее взгляде грозившую ему опалу, решил сменить тактику, подойдя к вопросу с другой стороны.

– Он всего лишь граф, а вы – КОРОЛЕВА, сколько в вашей жизни будет еще этих графов, – примирительно сказал он и низко поклонился, почувствовав, что достиг своей цели.

– И действительно, сколько? – весело рассмеялась она, – вы так стараетесь, что я думаю, их совсем не будет в моей жизни.

Этот королевский подарок от графа королева приняла как должное, она ведь была королева, и все, что ее окружало, принадлежало только ей, она с самого рождения это знала. Но, если бы она знала, в чем заключалась сила Ли МУ, она тотчас воспользовалась своим волшебным секатором и распрощалась со своим наставником, не единой минуты не сожалея об этом, а так он всё время продолжал манипулировать ее сознанием, ловко жонглируя словами. И королева, не выразив графу своей признательности, восхищения этим подарком, равнодушно отвернулась и направилась во дво-

рец. Как видно, секатор не помог королеве избавиться от Си-ней Бороды, она где-то глубоко сидела в ней, слишком долго читал ей эту сказку Ли МУ, пугая маленького ребенка. Ей очень хотелось испытать это сладостное чувство любви, но она не доверяла мужчинам. Граф же вызывал в ней противоречивые чувства. После бала ей хотелось больно уязвить его. Она очень быстро забыла про барашка, тем более бдительный Ли МУ был всегда на чеку и не давал ей расслабиться. Но вернувшись во дворец, она швырнула очень дорогую вазу, и она разбилась, а королева горько расплакалась. Жила же она до знакомства с графом спокойно! Зачем и откуда он появился?

Что-то странное стало происходить в жизни королевы после встречи с графом. Дело в том, что в этом маленьком королевстве Сель-Арме круглый год было лето. Никто и никогда не нарушал спокойное течение жизни в нем. Все здесь происходило по заведенному порядку. Так должно было быть и в это, ничем непримечательное утро, когда Ли МУ казалось, что он убедил королеву отлучить назойливого графа от их прекрасного королевства. Именно в это утро произошло первое знамение. И он увидел огромное черное облако, которое постепенно стало затягивать собой небо. Никогда в Сель-Арме не было плохой погоды, про дождь и грозу можно было прочесть только в книгах.

– Может это всего лишь моя галлюцинация, – успокоил себя он, – я так устал сражаться с этим графом, вот и мере-

щится мне его черный развивающийся плащ повсюду. Да и зачем ему плащ, когда круглый год лето. Все это очень странно.

Но черное облако все расплзлось и заполонило собой не только небо, но и опустилось непроглядной мглой на землю. Такое уже не скроешь от королевы.

Пытливый ум наставника королевы тут же стал сопоставлять факты и события последних дней. Логическая цепочка в его уме, выдала ему двух подозреваемых – графа и звездочета.

– Конечно же, одному графу это не под силу, – вслух рассуждал он, – чтобы такое вытворять с воздушной громадой, нужен соучастник, и не просто соучастник, а звездный колдун. Этот выживший из ума старик Готье, чем он там постоянно занимается? Я же говорил королеве, что с ним необходимо распрощаться, а ей, видите ли, жалко его, он еще при ее родителях звездочётит. Он там неизвестно чем занимается, а мы теперь за его опыты должны расплачиваться. Он хоть пожил на этом свете вдоволь, а нам, что прикажите делать?

С этими невеселыми думами он вернулся во дворец и увидел, что в тронном зале два его племянника, а точнее, два лодыря, как последнее время он их называл, играют в шашки.

– Какая беспечность, – пробурчал себе под нос Ли МУ, – от них много шуму, а толку мало, и кому я должен буду передать свою власть?

Неожиданное появление королевы застало врасплох молодых людей, и они, стараясь скрыть следы своей беспечности перед надвигающейся опасностью, тут же в оправдание себе быстро проговорили: «Мы здесь обсуждаем, как спасти вашу жизнь, королева».

– И шашки – самая подходящая игра для принятия судьбоносных решений, – усмехнулась она.

– В первую очередь, мы должны допросить Готье и графа, что за эксперимент они здесь проводят. Посудите сами, королева, за все время существования нашего королевства никогда у нас не было плохой погоды. А после появления графа в нашей жизни стали происходить очень неприятные вещи, а цветы? Где вы видели, чтобы цветы у вас на глазах росли и размножались, – Ли МУ неприятно передернул худыми плечами.

– Куда я теперь без Синей Бороды, и шага я ступить без нее не смею, – раздраженно отмахнулась от своего наставника королева, но своими логическими рассуждениями сомнение в ее душу он успел заронить.

– Это камень в мой огород? Но я, королева, единственный в королевстве, кто хоть что-то думает, – укоризненно взглянул на королеву Ли МУ.

– Сейчас для вас настало время собирать камни, – неожиданно для самого себя вылепил ГОэ.

Эта долго вынашиваемая мысль имела под собой огромный скрытый плацдарм метких наблюдений ГОэ за своим

любимым дядей.

– Пригрел на своей груди змею, – Ли МУ испепелил своим взглядом племянника: *«Еще один подозреваемый появился в моем списке»* – быстро пронеслось в лихом уме Ли МУ.

– Вы меня неправильно поняли. Сейчас для нас всех настало время собирать камни, – с торжественной невозмутимостью ответил ГОэ.

– Вы ответили нам, как полагается отвечать вольному каменщику, – усмехнулся Ли МУ.

Этот ответ дяди задел племянника, дело в том, что он не думал, что кто-то знает о его тайном посвящении в сакральный Орден «Темной звезды». ГОэ чувствовал, что давно перерос общество своего дяди, ему надоело прозябать в этом скучном королевстве, рядом с этим глупым Ярогдыном, с которым и в шашки играть не интересно. А сакральный Орден «Темной звезды» обещает своим верным братьям вход в звездную обитель темной звезды и вечную жизнь. Он верил, что на необъятных просторах звездного неба, есть та неповторимая звезда, где его ждут звездные братья, с которыми он разделит бразды правления над этим грешным миром. Он знал, что на земле не так много избранных, себя он считал одним из них. Ведь не случайно брат Ордена Теодор выбрал и призвал его.

Но, как только дворецкий сообщил им, что прибыл граф и просит, чтобы его приняла королева, все замолчали, а королева оживилась и, торопливо поправив свою прическу, быст-

ро заняла свой трон.

– Куда катится этот мир? – задал самому себе риторический вопрос Ли МУ, – Стоит появиться этому графу, как королева сама не своя. Надо проконсультироваться насчет нее с доктором.

– Пусть войдет и расскажет нам, что он задумал, – с волнением быстро проговорила королева.

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем открылась дверь, и она увидела графа. Граф на этот раз был очень серьезен. Королева подумала, что может ей всего лишь показалось, что он влюблен в нее. Ни легкого флёра, ни нежности не увидела она в его взгляде, как будто и не было этого нежного моря цветов, того долгого проникновенного его взгляда в ее саду, того перекрестка встречи их взглядов на балу, с памятью о котором она и жила все эти дни: *«Может, прав наставник, что все мужчины всего лишь обольстители, кому, как не ему знать об этом, ведь он сам относится к данному подвиду».*

Почувствовав, что молчание повисло в воздухе, а королева и граф не могут отвести взгляд друг от друга, наставник королевы решил учтиво допросить графа.

– Уважаемый граф, – с любезной вкрадчивостью начал Ли МУ, – скажите, что в последнее время происходит в нашем королевстве?

А граф, как будто и ждал этого вопроса, без лишних предисловий он констатировал только ему одному известный

факт.

– К королевству приближается огромное войско, а во главе войска ЖАРЕНый ПЕТУХ, – Иф Погиз поклонился королеве, и увидев ухмылку на лице Ли МУ, которая означала, что в конце фразы он забыл сказать «*Моя королева*», подумал, что она еще не его королева, слово «еще» вселило в графа уверенность, что она может стать ею.

– А почему жареный, а не варёный? – решил съязвить ГОэ, после посвящения в сакральный Орден «Темной звезды» он чувствовал себя на вершине виртуальной пирамиды, не доступной простым смертным.

– Только жареный петух может клюнуть, разрешите удалиться, в моем графстве меня ждут неотложные дела, – очень тихо и просто сказал граф и неожиданно для всех направился к двери.

– Пока, – снисходительно махнула рукой ему на прощанье королева.

– До встречи, пока жареный петух не клюнет, – вторя своей королеве, усмехнулся ГОэ.

– До встречи, – загадочно улыбнулся граф и удалился.

Королева была не просто разочарована этой встречей, она была в не себя от негодования: «Так проявить свою неучтивость к самой королеве. Забыть, забыть, как можно скорее о нем забыть!». Но у королевы ничего не получалось. Все это время преданный Ли МУ не отходил от королевы, он сам готовил ей успокоительные отвары, прикладывал холодные

примочки на ее нежный лоб. Пока королева находилась в некоем забытии, небо прояснилось, и жизнь потекла по своему заведенному порядку. Ли МУ почувствовал снова себя необходимым, и нечто, похожее на улыбку, стало проявляться на его лице.

– Боже, как прекрасен этот мир, – пританцовывая он парил по дорожкам парка, – и снова в Сель-Арме установилась чудесная погода, – и он взглянул на солнышко, и оно радостно кивнуло ему в ответ.

Но стоило ему так сказать и сделать несколько шагов, как он увидел, как опавшие желтые листья закружились, и легкий ветерок понес их к нему навстречу.

– Откуда взялись эти желтые листья, ведь у нас круглый год лето? – и неприятный холодок пробежал по его спине.

Уловив недружелюбное настроение мужчины, желтые листья неожиданно остановили свой хаотичный хоровод, словно поджидая кого-то. И вдруг неизвестно откуда налетевший сильный порыв ветра стал закручивать их в воронку, которая на глазах испуганного одинокого мужчины стала с невероятной скоростью расти.

– Что это?! Происки графа, или звездочет опять чудит? Надо уносить ноги, пока жареный петух не клюнул, – последние слова показались ему самыми разумными и до боли знакомыми, и он вприпрыжку, какую мог себе позволить мужчина преклонных лет, у которого болят колени, не различая дороги, побежал в укрытие.

Глава 2. Сеи Нерим

После посещения королевского дворца граф захотел развеяться, и только путешествие могло ему это позволить сделать, но, что-то крепко держало его в своем графстве, наверное, плохая погода, установившаяся в Сель-Арме. Будучи джентльменом, не мог он оставить на произвол судьбы юную леди. Причину своей невероятной нежности к ней он не мог себе объяснить. Даже ее взбалмошный характер, ее резкие перепады настроения рождали в его душе желание защитить и укрыть ее от этого мира. Граф понимал, что главная преграда между ними это сословные различия, и чем больше было преград между ними, тем сильнее это чувство разгоралось в обоих. Он думал, как ему преодолеть душевную фригидность королевы, которую, как он считал, ей очень крепко как саженец привили во дворце. И в противовес своей собственной беспечной жизни и жизни королевского двора перед ним возник образ его старшей сестры Сеи Нерим, как в этой хрупкой молодой женщине, на долю которой выпало столько бед, оставалось столько силы. Рано выйдя замуж, по большой любви, что встречается крайне редко в нашей жизни, она не растратила живой ум и невероятную жажду к жизни, даже тогда, когда ее любимый муж очень тяжело заболел и вот уже несколько лет был прикован к постели. Она с большой любовью ухаживала за ним, не доверяя уход за своим

супругом прислуге, воспитанием детей тоже занималась сама. В ее доме постоянно раздавался детский смех, постоянно были разбросаны детские игрушки. Из какого металла был выкован ее дух, из какого источника черпала она свои силы? Ее неброская красота была подсвечена изнутри мягким светом неугасимой лампы. С этим воодушевлением и надеждой граф примчался на своем вороном жеребце к скромному жилищу своей любимой сестры.

– Ни капли печали, сестра, – он крепко обнял ее.

– Глупо, Иф, тратить драгоценные мгновения жизни на уныние, оно не стоит того, – и, посмотрев на него своим пронзительным взглядом, не по годам мудрой женщины, сказала, – Перед собой я вижу влюбленного мужчину.

– А я и не скрываю это.

– Что ж примемся за дело, разработаем наш план, – и она достала старый пыльный большой лист бумаги и стала быстро набрасывать карандашом символические изображения объектов и предметов.

Воодушевление сестры окрылило графа.

– А вот и наша карта готова, – и она смахнула с нее пыль, – причем заметь, брат, доставшаяся тебе в наследство от твоей любимой прабабушки Марии.

– Ловко ты творишь историю, которой и вовсе не было.

– Расскажи детям столько сказок, как я, и из тебя получится неплохой сказитель. Дети постоянно требуют все новых и новых творений. Красивую легенду в придачу к ста-

ринной карте мы тоже придумаем. Карта – это ваш путь к Повелителю обители гор.

Дети, услышав о своем любимом герое, тут же побросали свои игрушки, и, наострив свои нежные ушки, ждали от матери продолжения истории.

– Только он сможет помочь героям победить жареного петуха, вот туда и отправятся они, а карта будет путеводителем.

Граф удивленно посмотрел на сестру.

– Доверься мне, я все устрою. Ты и будешь тем Повелителем гор, но от тебя требуется только отправиться в путь вместе с королевой.

– Как же мне вызволить ее из рук коварного Ли МУ и его приспешников?

– Жареным петухом и его доблестным войском. Сейчас мы вместе с тобой отправимся во дворец, – улыбнулась она, – все нужно делать в жизни играючи.

Граф представил, как они вместе с королевой на его вороных жеребцах несутся во весь опор к Повелителю гор.

– Забудь, Иф, о своих вороных жеребцах, к ней во дворец ты должен явиться рядом с ослом, – улыбнулась своей теплой улыбкой Сеи, уловив его крылатые мечты.

Он взглянул на нее, она не шутила.

– Хорошо, хоть не на осле, – отшутился он, – Но, где я его возьму.

– Я дам тебе моего любимого осла Рекардо, он сослужит тебе добрую службу.

– Но почему с ослом, это так не романтично.

А сам подумал, что на жеребцах они бы ускакали от этих назойливый слуг и остались, наконец-то, с королевой вдвоем.

– А разве нам нужна романтика, нам нужно время, чем длительнее будет путь, тем лучше.

– Будем перевоспитывать королеву, – улыбнулся Иф.

– Нет, скорее тебя, – улыбнулась в ответ Сеи, – Это испытание вас двоих на прочность. Но к Рекардо нужен особый подход, он не любит, чтобы им понукали, особенно, когда это делают люди. Это очень свободолюбивое животное, таким он родился.

И граф увидел это милое животное, с которым они быстро нашли общий язык. Голос графа не раздражал Рекардо, может потому, что граф очень уважительно к нему обращался и всегда только по имени, боясь задеть чувствительную натуру ослика. И вдруг ослик, весело взглянув на графа, соединил свои ушки и быстро почесал их друг об друга.

– Это он так выражает свою радость от общения с тобой, – пояснила Сеи.

– А-а, – только и произнес в ответ граф.

Теперь ему необходимо было изучить этот непонятный для него язык животных, чтобы разговаривать с Рекардо на одном языке.

А тем временем в Сель-Арме снова установилась хорошая погода, и королева позволила себе прогулку в любимом саду,

сопровождал ее, как всегда, незаменимый Ли МУ.

– Моими молитвами, моя королева, смерч прошел стороной мимо нашего королевства.

– Вы уверены?

– Но, если только граф нас снова не посетит.

– Спорим, что снова посетит, – игриво ответила она ему, – Я чувствую, что он где-то рядом.

– Не пугайте меня, вы хотите, чтобы у нас опять была плохая погода.

– Нет, я просто хочу увидеть снова графа, а вы своим унылым занудством мне порядком надоели.

– Как хотите, – сконфузился Ли МУ.

– Пусть хоть раз в жизни будет так, как я хочу. А сейчас я хочу увидеть графа.

Только стоило ей это сказать, как они увидели бегущего к ним навстречу Ярогдына.

– Мой королева, вас хочет видеть граф. С ним пришла какая-то девушка.

– Научитесь правильно говорить, – уроки старого зануды Ли МУ королева очень хорошо усвоила.

– Засем мне это, последнему из янычар.

– А за тем, чтобы достойно представить нашу делегацию графу. Скажите ему, что мы идем к нему навстречу.

– Вечереет, и мы не увидим, как погода резко испортится. Хотя граф стал для нас своеобразной приметой плохой погоды, – сам с собой рассуждал Ли МУ, не обращая на коро-

леву никакого внимания.

Но увидев графа, он сразу занял боевую позицию и весь запетушился.

– Покажите, пожалуйста, граф, своего жареного петуха.

– Петух мне не принадлежит, это дивное творение природы. Я еще не достиг природного мастерства в создании боевой птицы.

– Но, вы им так нас благополучно пугали на днях, – Ли МУ так и старался без клюва клонуть своего соперника.

Но тут вмешалась Сеи Нерим, которая скромно стояла в сторонке во время их перепалки. Впервые Ли МУ обратил внимание на девушку, и весь его запас красноречия иссяк. Никогда еще не приходилось ему видеть столько неземной красоты и величия, запечатленной в образе девушки, а в ее голосе он почувствовал столько силы: «Такие девушки у нас во дворце не водятся, да простит меня королева».

Королева, похоже, тоже была загипнотизирована незнакомкой, которая обратилась к ней: «Дитя мое, мы иногда не видим опасности или не хотим ее видеть, но стоит только проявить чуткость к самой себе, услышать себя, найти себя настоящую, как вы окажетесь в прекрасном саду, но не одна».

Но тут вмешался ГОэ, эти сказки на него не действовали и он, как всегда, цинично съязвил: «Конечно не одна, а с петухом».

– Вы правы, – не растерялась Сеи Нерим и, как скром-

ная приходская учительница, старающаяся донести до неразумных учеников урок, указала в сторону алеющей полосы неба, – Посмотрите, пожалуйста, на горизонт.

И все увидели невероятное буйство цвета, как будто смелый художник своей свободной кистью, не жалея красок, создавал свое неповторимое творение из воздуха и солнечного света. И вдруг из этого смешения ярких красок стал вырисовываться огненный петух, его ярко красный гребень, меткий огненный клюв и золотые шпоры говорили о том, что он был настроен решительно. Рядом с ним, как будто по мановению волшебной палочки, стали появляться его собратья по перу. И теперь все небо было заполнено ими.

Граф восхищенно смотрел на сестру, как это она делает? Чистая импровизация, говорил ее взгляд.

– Это рыцарь огненного клюва, – тихо произнес Ярогдын, он, как никто другой, разобрался в военных регалиях.

– И что вы нам предлагаете? – задал резонный вопрос ГОэ.

– Победить огненного петуха можно только с помощью Повелителя гор.

– Мы, что на ночь глядя отправимся в путь? – Ли МУ зябко повел плечами.

– Почему бы и нет, – неожиданно сказала королева, ей все эти дни без графа было так скучно, что она была согласна на любые испытания, только бы рядом был граф и развлекал ее.

– А, вы, с нами отправитесь в путь, – робко спросил Ли

МУ обращаясь к понравившейся ему девушке. У него еще теплилась надежда.

– К сожалению, не могу, но с вами будет надежное плечо моего брата, на него вы можете положиться, – и она протянула брату карту, – а карта приведет вас в обитель гор.

Ли МУ был в таком восхищении от девушки, что не стал перечить ей.

– У вас еще есть время собрать необходимые вещи, а завтра с миром в душе отправиться в путь, – на прощание сказала Сеи Нерим и с теплотой попрощалась со всеми.

События этого вечера, этой красочной картины заката, где огромный огненный петух, расправив свои крылья, устремил свой стремительный взор на Сель-Арме, не давали уснуть в эту ночь королеве: «Найти себя настоящую» – эти слова Сеи Нерим запали в душу королевы, растревожив ее.

– Но разве я не настоящая? – впервые задала она себе такой вопрос, – Моими поступками руководят мои чувства. А разве они не настоящие? А что собственно я чувствую? – она вдруг осознала, что до встречи с графом, она, собственно, и ничего особенного не чувствовала. Ее чувства не выходили из очерченного чужой рукой круга. А круг – это был этикет и правила королевской семьи, где все приближенные всегда ей угождали и исполняли любую ее прихоть. До встречи с графом она и не знала, что способна на такие сильные чувства: от первой радости и засветившейся в глазах надежды в солнечном лесу на проселочной дороге; негодования и рев-

ности на балу; до желанья снова увидеть и услышать его. Но в каком из испытанных чувств она была настоящая, и какой сад имела в виду Сеи Нерим, королева не могла понять. Может, Повелитель гор поможет ей понять себя, найти себя настоящую, и она переключила все внимание на Повелителя. Стала представлять его, рисовать в своем воображении их будущую встречу: «А вдруг он в нее влюбится? А что, было бы не плохо. Тогда она забудет о графе и перестанет о нем думать». Эти мысли успокоили королеву, и она, сладко зевнув, заснула. Она ведь была юна и психоанализом заниматься не собиралась.

Был еще один человек в королевском дворце, который не спал в эту ночь. Это был Ли МУ. Он все еще видел ее, эту хрупкую девушку в скромном сером платье, на фоне ярко пылающего заката. Он хотел сохранить этот образ в своей памяти. В зимней стуже его души впервые в жизни появились весенние проталинки, которые своей хрустальной чистотой вносили в холодный застывший пейзаж его жизни проблески пробуждения живого чувства. Но с наступлением нового дня, где уже не было лучезарной Сеи Нерим, Ли МУ почувствовал, что он вернулся к себе прежнему, а когда он увидел графа, к тому же не одного, а с ослом, негодованию его не было предела. Граф стал для него той пресловутой красной тряпкой.

- У нас готов экипаж, – Ли МУ был настроен решительно.
- Повелителю претит любая роскошь, – граф не собирался

уступать, – К Повелителю мы должны прийти пешком.

– А что любит Повелитель? – стараясь смягчить неприятный момент, возникший в разговоре, участливо спросила королева.

– Он, как все мужчины, любит повелевать, – улыбнулся граф.

Он помнил все наставления, которые дала ему его сестра. Самое главное, чтобы в пути королеве ничто не напоминало о прошлой королевской жизни. Она должна идти пешком, как собственно, и вся ее королевская свита.

– Много не берите вещей с собой в дорогу, а то моему любимому ослу будет тяжело везти всю эту поклажу, – увидев огромные саквояжи, ужаснулся граф.

– Как же практичен этот граф, – тихо себе под нос проворчал Ли МУ, – Разве можно так разговаривать с королевой?

Но, обращаясь к графу, учтиво заметил: «А вы всегда говорите, что думаете, иногда следовало бы, особенно при даме, задрапировать свою мысль, слегка ее припудрить».

– А можно и украсить свою речь виньеткой, – засмеялся ГОэ.

– А можно своей речью запудрить мозги даме, – парировал граф.

– Все можно, но когда мы отправимся наконец-то в путь, – нетерпеливо передернув плечами, остановила болтовню мужчин королева, и, взглянув на графа, задала свой резонный вопрос, – А почему мы должны отправиться в путь

на осле? Это же очень долго и утомительно.

– А вам, мадмуазель, осёл никого не напоминает? О, вы неправильно поняли меня, – тут же добавил граф, взглянув на королеву, – Это милое животное напоминает мне самого себя, – и чтобы направить разговор в другое русло, добавил, – Какой русский не любит быстрой езды? Но мы же с вами, мадмуазель, не в России, а в Сель-Арме, – и тут же заговорщически прибавил, – в этом долгом пути мы сможем лучше узнать друг друга и насладиться . . . , – но вот чем насладиться граф умолчал, отдал на откуп воображению молодой прекрасной женщины, аромат духов которой он так сильно сейчас хотел изведать.

И королева вдруг почувствовала на своей белой, прекрасной шее легкое прикосновение губ. Но чьи же это были губы? Губы графа? Но он стоял поодаль и мило улыбался ей. Но только стоило ей отвернуться от графа, как быстрые дразнящие поцелуи, в которых стал принимать участие и его виртуозный язык, стали покрывать шею и открытые утреннему солнцу нежные прохладные плечи королевы.

– Они еще не остались с королевой наедине, а граф такое себе позволяет!!! – с недовольством пробурчал себе под нос Ли МУ, но, что он мог предъявить графу, который стоял в стороне и насвистывал себе под нос веселую песенку, – не так прост этот граф! Неслучайно он мне сразу не понравился!

Королева же решила, что она и вида не покажет, но в тай-

не уже упивалась этой сладкой истомой. Ей хотелось прошептать графу: «Только не останавливайтесь, граф, никогда, прошу Вас!!!»

– Когда же мы отправимся в путь, – голос Ли МУ решил нарушить эту мимолетную идиллию, витающую в воздухе.

И вся эта честная компания наконец-то отправилась в путь. Выйдя из окрестностей Сель-Арме, перед их взорами раскинулась долгожданная широкая дорога, иди не хочу!

– Всем места хватит, – улыбнулся граф, простирая руку, и его улыбка была неким приглашением ступить на нее.

Но никто почему-то не решался сделать первый шаг навстречу неизвестности.

«Почему люди такие упрямые», – думал Рекардо, – «Им даже осел мешает, но я им покажу, как надо жить!»

И он неожиданно поднял свои передние ноги и весело подпрыгнул, но это была лишь его разминка перед сальто. Все не успели и глазом моргнуть, как он легко и быстро совершил в воздухе переворот через голову. И вот он уже целый и невредимый стоял в своей исходной позиции.

«Ну если осел ничего в этой жизни не боится, тогда и нам нечего бояться», – решили люди и ступили на дорогу.

Дорога была одна для всех, и в то же время у каждого своя. И самым смелым и неприхотливым на ней, конечно же, был ослик Рекардо. Он весело взбивал землю под своими копытами, удивляясь, как она красиво клубится, умилялся придорожной траве, которая, как приветливая хозяйка, уже на

дороге с радостью встречала гостей, и в знак своего особого расположения к неприхотливой траве Рекардо с любовью почесал свои ушки друг об дружку.

У Рекардо был особый сметливый ум, доставшийся ему в наследство от природы. И это наследство в отличие от людей он использовал на полную катушку. Его ноздри жадно вдыхали луговой аромат полей, улавливали тончайшие вибрации, исходившие от рядом идущих людей. Не навьюченный чужими мыслями он в отличие от человека рассуждал здраво. По осанке, походке людей он считывал их настроение. И это так увлекло Рекардо, стало для него своеобразным развлечением в дороге. Он посмотрел на своего любимого графа, конечно же, он не забывал и прекрасную свою хозяйку Сеи Нерим, и ее неугомонную ватагу детей, но сейчас он всей душой был устремлен к своему новому другу. О чем думал его друг? Рекардо и без слов мог догадаться, конечно же, он думал о ней. И с любовью, на какую было способно животное, наблюдал, как граф то и дело бросает на девушку взгляд, наполненный такой теплотой и нежностью, способной растопить не одно холодное сердце, но графу нужно было только одно сердце. Рекардо решил больше не смущать своим любопытством влюбленных, и тут же неожиданно для самого себя перехватил иные вибрации и взглянул с интересом на их хозяина. Это был скрытный ГОэ. Бодро шел он по дороге, взгляд его, обгоняя пространство и время, видел другую жизнь, где совершенно не будет места легкокрылым

мечтам, где на дороге уже нельзя будет встретить одинокого путника, старца с посохом, дряхлой ведуньи. Все будет вычищено. Это был стерильный мир будущего. Там ничего не надо было решать, там все за тебя уже давно решили. Там ничего не надо было делать, там все без тебя было уже давно удобно устроено. Там ничего не нужно было говорить, просто нажми нужную кнопочку. А жила ли там любовь? Нет, зато там много было ярких кнопочек и дверей, которые сами открывались, стоило лишь к ним подойти. ГОэ льстило, что звездные братья позволили ему заглянуть в будущее. И скоромная буква «э» в его имени стало быстро расти, подавляя некогда нависшие над ней, словно горы, две первые буквы его имени.

И ослу вдруг стало грустно от прочтения чужих мыслей: «А где буду я и такие же ослы, как и я, будет ли нам место в этом новом мире? А зачем же люди нас тогда приручали?» И Рекардо захотелось подпрыгнуть и разом стряхнуть эти грустные мысли, рассеяв их в воздухе. Но ветер, вечный бродяга, не дал ему долго грустить, он подхватил хвостик Рекардо и больно ударил им по его же собственным бокам. Он как бы говорил ему: «Посмотри вокруг, какая красота окружает тебя!». Урок пошел ослу на пользу, и он решил больше не читать чужих мыслей и снова с любовью посмотрел на графа, который сейчас усердно решал задачки, которые ему задала Сеи Нерим. У него никак не получалось представить Повелителя гор и его обитель, ведь это Сеи Нерим сочиня-

ет сказки, а не он. Это надо ведь какую силу иметь, чтобы двигать горами. Это в сказке так складно получается, а как это всё в жизни воплотить? Если графу не очень-то хотелось думать о Повелителе, потому что он его уже воспринимал как своего соперника и не хотел его представлять перед королевой в выгодном свете, то королева стремилась к Повелителю всей душой. Она представила его огромный развевающийся темный плащ, который спасет ее от всех жизненных невзгод. Плащ представлял собой ночное небо, умиротворенное тихим мерцанием далеких звезд. Если раньше события ее жизни не простирались дальше ее королевства, то сейчас она свободно летала на крыльях своей фантазии, расширяя пределы своей собственной вселенной. И в этой вселенной, сминая волю королевы, стали происходить удивительные события: звезды на плаще Повелителя вдруг стали очень маленькими светящимися точками, которые крапинками усеяли все пространство развевающего плаща. Из этой далекой галактической туманности стала очень быстро расти одна из них и стремительно стала приближаться к королеве. И она увидела огромную светящуюся широкополую шляпу. Но это был лишь обман зрения, не полы шляпы, а кольца огромной планеты увидела королева, которые отделились и обрамляли ее огромный круглый шар. Эта зрелищная картина так заморозила девушку, что ей захотелось тут же удобно примоститься на этом светящемся обрамлении загадочной планеты. Стоило ей лишь подумать об этом, как она ощутила

себя пылинкой, которую словно магнитом притянуло к загадочной планете. И вот уже она, вместе с такими же как и она пылинками, стала беззаботно кружиться в вихревых потоках этой необычной плотности света. Светлый поток мыслей королевы мгновенно перехватил влюбленный граф, и вместе с этим потоком он ощутил незримое присутствие Сеи Нерим. Оказывается она и не покидала своего незадачливого брата, и ни на минуту не расставаясь со своей дирижерской палочкой, создавала свою волшебную симфонию, в которой ничего не подозревающие путники сейчас участвовали. На просторном светлом холсте воображения Сеи Нерим стали появляться неожиданные персонажи. И первым из них был кузнечик. Очень серьезный кузнечик, который, казалось, и не улыбался никогда, его загадочный взгляд даже сама природа не смогла бы никогда разгадать, потому что он и был воплощением самой природы. Владелец шести ножек, четырех крылышек и мозаичного восприятия мира кузнечик был одним из самых чувственных и искусных танцоров, которых когда-либо знал этот мир. А в пару Сеи Нерим ему поставила, догадаетесь с первого раза, вы правильно подумали, всем известную стрекозу, но не ту стрекозу, которая лето красное пропела и оглянуться не успела, наша стрекоза все-таки успела оглянуться, но ее тут же подхватил наш кузнечик и закружил в солнечном вальсе, и вместе с ними в воздухе закружились сотни таких же стрекочущих пар. И наши путники остановились, чтобы увидеть, что в этом мире все еще

происходят чудеса.

Не оставила Сеи Нерим и своего подопечного Ли МУ, и чтобы он забыл о своей пресловутой красной тряпке, взметнулась в небо. Нежно потревожив облачко, соорудила себе из его воздушной массы пуанты и пачку. И станцевала для него одного свое воздушное соло, потому что только она знала, как в небе можно, прыгая с облачка на облачко, легко и красиво парить. Пока незримое присутствие Сеи Нерим одухотворяло путников, королева почувствовала себя одиноко, да и идти все время в одном направлении было для нее непривычно. Она почувствовала, что может износить свои любимые новые туфли, совсем не предназначенные для долгой ходьбы. Да и граф, казалось, совсем не обращал на нее внимания, был углублен в свои думы. Тогда королева решила прибегнуть к женской хитрости. Она остановилась и, стряхнув пыль с подола своего длинного платья, незадачливо посмотрела на свои туфли. Граф тут же обратил внимание на королеву.

– Что вы нашли в моих туфлях? – фыркнула королева и кокетливо приподняла подол своего платья.

– Скорее в ваших ногах, а если быть еще точнее, в вашей прекрасной ножке.

И он мечтательно продекламировал ей:

«Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,

Влечет условною красой
Желаний своевольный рой»

– Вы пишете стихи? – удивилась королева.

– К, сожалению, нет. Это мой любимый русский поэт.

– Слава богу, что не пишет, а то бы он нас утомил в дороге, – вкрадчиво произнес над самым ухом королевы Ли МУ. И королева в знак своего согласия кивнула ему.

Граф все еще надеялся прекрасной поэзией увлечь королеву в свой мир, но она осталась глуха к его страстным призывам. И он тут же вынес свой неутешительный вердикт, скрываясь под плащом поэзии своего любимого поэта.

«Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума»

– Опять эта Россия, – и нечто, похожее на ревность, почувствовала гордая королева.

– Есть что-то удивительное, противоречиво ускользящее в этой стране, если ее необъятные просторы рожают таких поэтов, как Александр Пушкин. Если вы уделите мне капельку своего драгоценного времени, я почитаю вам его стихи.

– Будете читать даме своего сердца, – с раздражением отмахнулась от него королева, но при этом почувствовала себя

очень несчастной.

И Ли МУ, ГОэ и Ярогдын радостно возликовали. Эти шальные друзья королевы не хотели, чтобы она сблизилась с графом, постоянно выискивая в нем изъяны.

– Смотрите, как граф заботится о своем осле, а вы постоянно идете пешком, моя королева, – усмехнулся ГОэ, – настоящие мужчины так не поступают, послушаем, что граф скажет в свое оправданье?

– А ничего он не скажет, скажет только, что день сегодня чудесный, – и граф стал напевать себе под нос веселую песенку.

А его добродушный Рекардо в такт незамысловатой песенки неожиданно закружился по часовой стрелке.

– Что он делает? – поинтересовалась королева.

– Он танцует, – ответил его хозяин.

– А почему осел кружится по часовой стрелке, а не против нее? – очень серьезно поинтересовался Ярогдын.

– Против часовой стрелки у него очень быстро закружится голова, – отвечая на поставленные вопросы, граф не сводил своего взгляда с королевы, которую он словесными баталиями старался отвлечь от утомительной и непривычной для нее ходьбы. Ведь она так долго никогда не ходила.

– А-а, – протяжно протянул Ярогдын, – ему и в голову никогда не приходило, что граф так шутит.

– Зачем ты слушаешь графа? – ГОэ толкнул своего собрата по несчастью, ему уже претила эта бесконечная дорога, –

Я, может быть, – очень тихо, так, чтобы их не слышала королева, – покину ее, тайное братство ждет меня, вот только возьму пару уроков у Повелителя.

– Посвященные должны всё скрывать, почему тогда мы все знаем о твоём посвящении, – Ярогдын был очень серьезен.

– Очень тяжело держать это в тайне, когда тебя всего распирает от нее.

– Теперь мы должны покинуть такую близкую и знакомую нам дорогу и свернуть направо, – улыбнулся граф.

– А откуда вы так хорошо знаете дорогу к Повелителю? Вы совершенно не пользуетесь картой, которую вам любезно предоставила ваша сестра, – стараясь вывести на чистую воду неподражаемого графа, язвительно спросил Ли МУ.

– И, правда, граф, скажите нам, мы ждем, – королева загадочно улыбнулась ему и воспользовалась своим веером.

– А я может и есть тот самый Повелитель, – отшутился граф.

– Вы себе льстите, если бы вы обладали такой силой, разве нам пришлось бы проделать такой долгий и трудный путь, и мы бы не стали драпать от Жареного Петуха – королева тут же потеряла всякий интерес к этому разговору, ей очень не понравилось, что граф что-то возомнил из себя.

– Что за лексика, моя королева, эта свобода на вас так действует, и вы стали употреблять не свойственные вашему титулу словечки, – Ли МУ укоризненно покачал головой.

– Солнце, ветер, до чего же приятно, – неожиданно для всех королева потянулась и рассмеялась.

Граф влюблено взглянул на королеву.

«Как только обезвредим жареного петуха, тут же необходимо пресечь всякое общение королевы с этим ненавистным графом, а то он дурно влияет на нее», – пронеслось в голове Ли МУ.

– Давайте сделаем привал, – неожиданно предложил граф, и все с радостью согласились.

Граф расположился поодаль от королевской свиты и, недолго думая, снял с себя шляпу и кинул ее по направлению ветра, и она, с радостью подхваченная им, улетела в небо, больше ее никто никогда не видел.

«Опять его фокусы», – Ли МУ стал терять терпение.

– Как это вы делаете, граф? Но всё же, не надо было расставаться со шляпой, – королева старалась проникнуть в ход его мыслей.

– Туда, куда мы направляемся, она мне точно не понадобится.

Королева ждала, что он пояснит свой ответ, но ее ожидания не оправдались, потеряв интерес к разговору, граф неожиданно для всех встал и позвал своего Рекардо.

– Вы не против, господа, мы разомнем с Рекардо свои косточки.

Королева, обмахиваясь веером, в предвкушении ждала представления. После физической разминки руки и ноги

графа приобрели невиданную пластичность и легкость, и он затанцевал, но не один, а со своим любимым ослом, который поднял свои передние ноги и копытами в такт хозяину старался повторять за ним движения его рук и ног. Граф и его осел полностью отдались танцу, похоже, им было плевать, что думают о них другие. Но, что это был за танец! В нем была заключена невиданная прежде смелость и свобода! Каждое движение подчеркивало сильные и упругие мышцы графа. Королева заморожено смотрела на незнакомый для нее язык тела, в котором было много кошачьей грации.

«А так можно танцевать?», – удивилась королева, и ее ножки помимо ее воли в такт танцу стали отстукивать незамысловатые движения.

– С таким кавалером вы не сможете блистать на балах, он все внимание будет обращать на себя! – возмущению Ли МУ не было предела.

Но королева не слушала его, ей захотелось хоть раз в жизни почувствовать свое тело, руки и ноги, а не замирать в определенной позиции, обусловленной танцем, и не ждать, пока к ней подойдет кавалер и подаст ей руку, чтобы провести ее по намеченному балетмейстером кругу. Ей захотелось самой решать, как двигать собственными руками и ногами.

«Почему граф может позволить себе так танцевать, а я нет?» – и чувство, похожее на зависть, нежно царапнуло королеву.

Танец был подобен самой природе, и неожиданно все в

ней пришло в движение, ее голубые небеса ответили: повеял свежий ветер и, взбив два облачка в силуэты графа и Рекардо, пустил их в пляс. Когда королева переключила свое внимание на небесных танцоров, граф неожиданно возник рядом с ней, его дыхание коснулось ее щеки. От его близости ее бархатные щечки заалели, и ей показалось, что он сейчас обязательно ее поцелует. Но к разочарованию королевы, он ей только весело подмигнул. Ей захотелось в ответ тоже ему подмигнуть, но у нее ничего не получилось. К сожалению, в королевский этикет подмигивание не входило.

– Скажите, королева, почему ваши подданные такие недовольные? – и, не дожидаясь ответа, сказал, – Просто они не умеют радоваться жизни. Поэтому такие люди, как я, их сильно раздражают. А без радости и игры познать любовь невозможно.

– Где вы, граф, научились так красиво двигаться? – не смог скрыть своего восхищения ГОэ.

– Все дело в воображении, путешествия и общение с людьми обогатило меня, к тому же я неутомимый ходок. Самое главное во время танца отпустить свой разум к черту на кулички.

– За такое колдовство вас, граф, в прежние века сожгли бы на костре или бы повесили, – Ли МУ приходилось отдуваться за всех.

– Я с вами не согласен, – весело отозвался граф, и во времена инквизиции находились люди, которые умели пошу-

тить и могли избежать наказания: Франсуа Вийон, к примеру. И он продекламировал:

«Я – Франсуа, чему не рад, Увы, ждет смерть злодея, И сколько весит этот зад, Узнает скоро шея»

– На темные века инквизиции человечество ответило эпохой Возрождения, она и сейчас проливает на нас свои лучезарные лучи, – улыбнулся граф.

Глава 3. Повелитель

– Скажите, граф, а Повелитель обители гор живет один? –

поинтересовалась королева, ее давно мучил этот вопрос.

– С какой целью интересуетесь? – пошутил в ответ граф.

– Так, просто, – скромно ответила королева, чтобы отвести от себя любое подозрение.

Но графу очень не понравился вопрос, ревность нехорошее чувство, он, конечно же, знал это, но ничего не мог с собой поделать, чем ближе они приближались к обители, тем сильнее волновало его это чувство. Получается, что он ревнует ее к самому себе: «А вдруг Повелитель действительно обитает в горах? Куда я их веду, сам не знаю?» – своя собственная повышенная тревожность не понравилась графу, и он решил развлечь королеву вымышленной историей. «*Буду импровизировать*», – решил он.

– Конечно же, он живет не один, вместе с ним обитают прекрасные волшебницы таинственных гор, – у графа не было детей, он был еще так молод, но сейчас он почувствовал себя в роли отца, рассказывающего своему любимому дитя сказку на ночь. Но надо было честно признаться самому себе, что он лукавит: какой же он отец, он темпераментный молодой мужчина, еле сдерживающий свои чувства.

Королева, услышав одно лишь упоминание о прекрасных волшебницах, поморщила свой аккуратный носик и потеря-

ла интерес к сказке, а графу это и было нужно, он чувствовал, что ведет нечестную игру, но что не сделаешь ради любви.

Когда они стали приближаться к темной возвышающейся неприступными горами обители Повелителя гор, погода стала резко портиться, вокруг все потемнело.

«Это он показывает нам свое недовольство, – с тревогой подумала королева, – Лучше бы я осталась дома и дождалась этого пресловутого жареного петуха, подумаешь, разочек клюнул бы он меня».

Темная мрачная неизвестность пугала ее, свое собственное королевство, о котором она с такой легкостью забыла, казалось ей теперь нежной и сладкой колыбелью. «Сейчас бы погрузиться в теплую ванную с волшебными разноцветными пузырями», – но стоило ей так подумать, как резкий порыв ветра, чуть не сорвал с нее корону, но она успела придержать ее рукой. Но ветер не собирался играть с королевой, он с невероятной силой подул и больше, похоже, не собирался останавливаться.

И первых пять букв в ее королевском титуле вдруг пошатнулись и под сильным порывом ветра мгновенно слетели со своего величественного трона, и Нита почувствовала себя маленькой незащищенной девочкой. Холодный пронизывающий ветер мгновенно принес с собой дождь, переросший в ливень, и Нита промокла до каждой своей ниточки. Но она все еще оставалась королевой и повелительно огля-

нулась, куда исчез граф со своим пресловутым ослом, но его и след простыл. (Но не знала королева, что графу необходимо было войти в образ). Да, не зря ей постоянно твердила Бернадет, что мужчинам нельзя верить. Но с ней, о чудо, остались продрогшие от холода ее верные слуги, которые скромно молчали и стучали в такт дождю своим зубами. «*Как же негостеприимен этот Повелитель гор*», – но стоило так подумать королеве, как тут же скалы задрожали и открыли просторный путь в свою обитель.

Здесь ничего нельзя было различить, кругом клубился таинственный туман. Нита подумала, что из него и должен появиться Повелитель. Постепенно ее глаза привыкли к туману и стали различать взвешенные в воздухе маленькие, наполненные влагой шарики, которые то медленно поднимались, то так же медленно опускались. Она вдруг ощутила их живыми, и они, заметив ее, решили добродушно встретить прекрасную гостью, стали осторожно приближаться к ней. Несколько из них, наверное, самых смелых, осторожно коснулись открытых участков ее тела – ее шеи, плеч и рук. И она почувствовала на своих прохладных плечах преобразовавшиеся из их пластичной формы нежные пальчики, которые очень медленно стали растирать ее продрогшее от дождя тело. Эта нежданная ласка согрела не только ее тело, но и душу. «*Как же обходителен и предусмотрителен Повелитель*, – подумала она, – Не то, что граф». Ей показалось, что Повелитель несколько оттягивает момент встречи с ней,

подготавливая ее к ней. «Своеобразная прелюдия», – подумала она, и ей стало очень приятно от этой мысли. Стоило ей лишь так подумать, как туман стал рассеиваться, и она почувствовала, что Повелитель позволил ей взглянуть на свой полог, покрытый мрачными тучами, где он все-таки оставил (конечно же для нее) тоненькую лазурную полосу неба, чтобы хоть как-то осветить свою суровую обитель. Но в Повелителе ей уже нравилось все. Он ведь был неземное существо, обладающее неограниченной властью. Она могла принять от него любую муку, простить ему любые его слабости, маленькие хитрости, к которым, как ей теперь казалось, примешивались и человеческие слабости. И вот готовая к встрече с ним, она увидела облаченного в бархатную мантию навстречу шедшего к ней Повелителя, и незнакомое ей чувство, что встречу с ним она ждала всю свою жизнь, наполнило каждую клеточку ее тела. Словно невеста перед своей первой брачной ночью, замерла она и в священной робости ждала своего единственного возлюбленного. Когда он приблизился к ней и предстал перед ней во всем своем могуществе, какая-то неземная сила заставила королеву, словно стебелек, склониться перед ним. Словно в тумане королева вернула себя в прежнее положение (благо она была молода, и радикулит еще ее не мучил), но от силы и мощи Повелителя, который так близко приблизил к ней свое лицо, положение ее сейчас было таким неустойчивым. Она боялась не только взглянуть на него, но и шелохнуться. Королева чувство-

вала, что ему доставляет огромное удовольствие, как кошке с мышкой, играть с ней. Шестым чувством уловила она, что и он ждал этой встречи. Воображение королевы закружило ее в невероятный вихрь легкой эротической фантазии, ей не хотелось, чтобы Повелитель прочитал ее мысли, и она постаралась остановить их. Но магический круг, очерченный властной рукой Повелителя, вокруг их тел звездной пылью кружил и держал их вместе. Против таких магических чар любая королева ничего не смогла бы сделать, и она не устояла, отдав всю себя во власть Повелителя. Но сейчас ее это не пугало, а приятно щекотало нервы, ей казалось, что сейчас она готова была даже умереть, но только вместе с ним – со своим Повелителем.

Но сказка, не успев начаться, быстро закончилась. И королева услышала, как властный голос Повелителя, строго произнес: «Вам, королева, необходимо засучить рукава и поработать в саду, а потом собрать свой урожай»!

– Не хочу, – сказала Нита, – и ее губки, которые она по-детски вытянула, тут же превратились в спелую клубнику, – Я очень устала с дороги.

Но Повелитель обители гор, казалось, не обратил внимания на ее губки, которые так и просились к капризному поцелую.

– Слово «НЕ ХОЧУ» не должно произноситься в моем царстве, – и Нита увидела, как синяя бархатная мантия Повелителя гор от гнева почернела, сам же он остался тверд и

невозмутим, как гранитные скалы окружающие его страну.

– Какой урожай, мой королева! Засем засучить рукава??? – возмутился на ломанном языке Ярогдын.

Нита горделиво улыбнулась, но черная мантия Повелителя гор вдруг намертво приковала ее взгляд, загипнотизировала королеву, и она как зачарованная направилась в его сторону.

– Мы ее теряем! – в ужасе схватился за голову Ли МУ, и увлекая за собой ГОЭ и Ярогдына, помчался за своей королевой.

Но королева не слышала и не видела их, она попала в таинственное измерение, ее сознание было окутано тончайшими золотистыми нитями неземной мелодии. Сейчас же ей очень хотелось понять эту мелодию, вспомнить те немногие уроки нотной грамоты, которые она любила пропускать мимо своих ушей. Сейчас же ее маленькие ушки, в которых сверкали сапфиры, старались уловить тончайшие вибрации незнакомой мелодии. Внезапно музыка смолкла, и Нита неохотно открыла глаза. Перед ее взором предстала далеко простирающаяся сухая безжизненная пустыня.

– Что это? А где сад? – нетерпеливо повернулась она к Повелителю гор и топнула своей аккуратной ножкой.

– Это и есть твой сад, королева! – его глаза сверкнули обсидианом.

– Разве ты видел мой сад? Мой сад – это благоухающая разноцветная долина! – гнев королевы затмил на мгновение

былое очарование от встречи с Повелителем.

– Благоухающая разноцветная долина – это все, что окружает тебя, а сад в твоей душе отсутствует. Сад женщины еще нужно взлелеять.

– И для этого я проделала такой долгий путь, чтобы услышать эти слова? Как это мне поможет победить жареного пехуха?

– Не думай о нем, пока ты под покровительством Урнатса, ты в безопасности. Необходимо только произнести заклинания. И перед ее взором тут же медленно поплыла цепочка слов: *работа, терпение, самодисциплина, порядок, чувство долга.*

– И что я должна их съесть?

– Нет, просто ты должна будешь строго придерживаться данных правил.

И Повелитель обители Гор взял ее мягкую нежную ручку в свою твердую и уверенную руку и повел ее как маленькую девочку, а она и была маленькой заблудившейся девочкой, к **источнику Вечной молодости**. Нита почувствовала себя в полной безопасности, на душе стало так легко и спокойно. Просто не было с ней снующих и вечно болтающих слуг. Как же хорошо, что я не слышу их голоса, которые вечно сбивают меня с толку. Но что же со мной будет, когда я вернусь в свое королевство, все начнется сначала?

– Я с тобой, верь мне, – успокоил ее Повелитель, прочитав ее мысли, – Я всегда рядом с теми, кто хоть раз побывал в

моей обители, не каждый найдет сюда дорогу.

Когда они подошли к источнику, она увидела темно-синие клубы пара, которые вырисовывали непонятную ей символику. Он тихо сказал ей: «Раздевайся». Нита уловила, что это слово он произнес с нескрываемым наслаждением, но почувствовав в его голосе нежную заботу, она смело посмотрела на Повелителя, он же в ответ позволил ей на мгновение раствориться в темной глубине своих глаз, и впервые в жизни сильное чувство вожделения к мужчине охватило ее всю, по телу побежали предательские мурашки.

– Догола, – произнес он, увидев, что она в нерешительности замерла.

– Не за что, – но ее королевская воля дрогнула.

– Можно подумать, что я никогда не видел голую женщину, – усмехнулся Повелитель.

Его слова задели ее за живое, она стала такой уязвимой, неизвестное чувство ревности к незнакомым женщинам, внезапно пронзившее ее, мешало ей расслабиться и получать наслаждение от общения с Повелителем, чарам которого она была бессильна противостоять. Когда же перед ее взором неожиданно возникли прекрасные волшебницы таинственных гор, она почувствовала себя самой несчастной на свете.

«*Не много ли для одного дня эмоции?*», – мысленно усмехнулась она.

Повелитель загадочно улыбался ей: «Вар и Лояв под-

страхуют тебя как новичка».

Но растворившись в темно-синей неге, обо всем забыла королева. Сознание ее пронеслось в калейдоскопе множества форм жизней от одинокой кувшинки, маленького любопытного лягушонка в тихой заводи, капельки росы, которая вот-вот покинет свой стебелек, морской звезды, гибкой пантеры, игриво манящей кончиком своего хвоста вожаделенно смотрящего на нее лениво царствующего льва, до девушки, в тенистом саду вкушающей запретный плод. Как же ей не хотелось возвращаться из этого состояния, но сильные волшебницы вернули ее Повелителю, который не мог сейчас отвести от нее свой обсидиановый взгляд, так она была прекрасна и в то же самое время скромна, а скромность, как известно, украшает человека. Нита чувствовала, что ей все больше и больше нравится в гостях у Повелителя. Только бы эта сказка никогда не заканчивалась. Какие сюрпризы приготовил для нее Повелитель, только были бы они все приятные.

Подходил к исходу первый день пребывания королевы в обители, необходимо было подвести первые итоги.

И первый вопрос, которая должна была задать себе королева: куда пропал граф? И почему он оставил ее одну? Но граф не собирался оставлять ее одну, когда погода стала портиться, он даже захотел отдать ей свой широкий плащ. Но какая-то сверхъестественная сила унесла его, и он оказался совершенно один в пустой огромной комнате угрюмого зам-

ка Повелителя обители гор. Но граф не растерялся и решил внимательно изучить незнакомое пространство. Пустой комната показалась ему только на первый взгляд, и он увидел первый предмет – небольшую полочку, подойдя к ней, граф обнаружил небольшой блестящий черный камешек. Это был обсидиан.

– Коготь дьявола, – восхищенно произнес граф, рассматривая его на своей ладони. И рука сама потянулась к лицу и неожиданно для самого графа вставила обсидиан, словно монокль, себе в глаз. И через призму этого камешка неожиданно пространство в комнате преобразилось, оно живо ему напомнило его собственную спальню, о которой он, оказавшись здесь, вспомнил, так ему хотелось сейчас отдохнуть. И он увидел одинокое кресло, на которое была накинута великолепная бархатная мантия Повелителя, она ждала его. *«Нельзя терять время,* – подумал он, и в спешке облачился в одежды Повелителя. Он заметил, что камень реагирует на его мысли, стоило ему только подумать о Повелителе, как перед его взором блеснул незнакомый пейзаж. Какую же обитель он должен будет представить королеве, граф сам еще толком не знал, и он решил для начала напустить туман в обители, а потом действовать по обстоятельствам. А обстоятельства для графа были непривычными, впервые в жизни он ощутил в себе источник невероятной силы, управляющей всем на этой земле. Он почувствовал, что руками Повелителя может с легкостью смахнуть на своем пути скалу, од-

ним хмурым взглядом вызвать ураган, нагнать мрачные тучи и пронзять темное небо блистательными молниями, но в этой огромной могучей силе Повелителя, еще теплилась маленькая жизнь влюбленного графа, и это вселяло надежду, что все будет хорошо. Душа графа чувствовала, что во власти Повелителя находится такая хрупкая, беззащитная, хоть и весьма капризная душа королевы. Но могучая воля Повелителя, как только он впервые приблизился к королеве, мгновенно сломала ее волю, она была так нежна и податлива в его крепких руках, что ему не составило большого труда сейчас полностью подчинить себе и сделать ее своей самой сладкой и вечной рабыней. Но душа графа не сдавалась, он не хотел отдавать любимую девушку на растерзание Повелителю. Граф решил перехитрить Повелителя и шепнул ему, что еще не время, надо оттянуть сладкое мгновение, и суровый владыка нехотя согласился и преподал свой первый урок королеве. Граф облегченно вздохнул, но Повелитель был не прост, он решил обвести вокруг пальца самонадеянного графа, направив королеву к источнику вечной молодости. Когда она, обнаженная с влажными волнистыми волосами, искупавшись в нем, вернулась к ним, граф не смел вздохнуть, так она была обворожительна. В волосах ее сверкали звезды. «*Что теперь скажешь, граф?*», – говорил лукавый взгляд Повелителя своему сопернику. Какую же непростую задачу ему задала Сеи Нерим. Граф вступил в неравный бой с Повелителем, а если быть точнее, с самим собой, со своим

жгучим искушением.

После такого волнительного дня королеве тоже хотелось осмыслить и заново прочувствовать свои впечатления от встречи с Повелителем. Она чувствовала, что тело ее приятно горело и было наполнено такой сладкой чувственной негой, с которой ей захотелось поделиться с Повелителем. От этой мысли щеки ее мгновенно покраснели, и она, зная о сверхъестественных способностях Повелителя улавливать чужие мысли, как маленькая девочка спряталась под одеяло, но ненадолго. И снова вынырнув из-под него, она сладко зевнула, мысли ее приятно витали вокруг нарушителя ее бывшего спокойствия: *«Еще один такой день в гостях у Повелителя и я стану падшей женщиной»*, – подумала королева, но эта мысль почему-то сейчас ее не страшила, а нежно ластилась к ней, как бы говоря ей – *«уступи»*. Даже нежная подушка и белоснежная шелковая простыня этой ночью в себе таили сладкую истому и будоражили ее тело, не давая уснуть.

Она вспомнила, как старшая придворная дама Бернадет очень часто пугала ее историей об одной несчастной юной принцессе, которую угораздило влюбиться в веселого герцога, который гостил у ее родной тетушки. Герцог этот под предлогом невинной прогулки увез принцессу в неизвестном направлении, прихватив с собой фамильные драгоценности тетушки. Все в королевстве надеялись, что она обязательно вернется. И, когда все поняли, что они ее больше никогда не увидят, начался сильный дождь, который не пре-

кращался несколько дней, и все решили, что это прощальные слезы принцессы. Но наша королева была уверена, что эта печальная история уж точно не про нее.

Пока Нита нежилась в постели, граф ломал голову, как удивить королеву, какую культурную программу подготовить на завтрашний день. Что-то захватывающее дух! И он решил, что это будут качели. Ему захотелось быть просто самим собой, и больше не надевать доспехи Повелителя. Но наступил новый день, и руки графа сами потянулись к одежде Повелителя.

– Мы в его обители, без его мантии и обсидиана, я как без рук, – вздохнул он, – Только благодаря ему я смогу реализовать свои самые смелые фантазии, создать любой пейзаж, любое настроение.

И он направил Веар в спальню королевы, чтобы она подготовила ее к встрече с Повелителем.

Разбудив маленькую соню, которая только под утро смогла заснуть, волшебница протянула ей легкое платье и сандалии, сказав, что доспехи королевы на время придется отложить, они здесь ей точно не понадобятся. И, словно прекрасная Ариадна, вывела ее из прохладного лабиринта таинственного замка на волю.

Ослепительное солнце, как непревзойденный художник, представило королеве невероятную картину обители Повелителя гор: покрытые синеватой дымкой величественные горы и облачное отражение их в нежнейшей лазури ласкового

неба, а вершиной творения был переброшенный через все это великолепие из сверкающей радуги мост. Королеве захотелось раствориться в этом упоительном воздухе, и она побежала по сочному, бархатом ускользящему, просторному зеленому лугу, навстречу радостному ветерку. И неожиданно почувствовала, что ее что-то мягко подхватило и, словно пушинку, сейчас несет по воздуху. Это были из перевернутой радуги качели.

– Ты хотела ускользнуть от меня? – услышала она за своей спиной тихий голос Повелителя.

И упоительное волнение наполнило ее душу. Она почувствовала себя в полной безопасности, когда руки Повелителя оказались чуть выше ее рук, и он стал раскачивать качели. И вдруг она почувствовала, как порыв ветра легко подхватил их крылатые качели и унес их в воздушную, взбитую облаками, перину неба, и с такой же невероятной скоростью возвратил их обратно. У Ниты захватил дух от нереальности происходящего, и она растворилась в упоительном полете, и ничего уже в своей жизни не боялась. Рядом с ней летел и ее Повелитель. Она была рада, что в нем стали проглядываться какие-то знакомые ей человеческие черты. Но не знала королева, что через суровое лицо Повелителя, пробивался и все чувствовал за себя и того парня – Повелителя, наш неунывающий граф. Сейчас он просто расслабился и получал удовольствие, что рядом с ним находилась его любимая девушка. В этом полете они были как два ребенка, впервые иссле-

дующие этот мир, пробуящие его на цвет и вкус. И птицы, почувствовав, что кто-то потревожил их привычное место обитания, решили посмотреть на этих своевольных и счастливых нарушителей. Они с радостью слетелись к ним и стали весело сопровождать их, и на своем птичьем языке хотели поведать миру о торжестве нежности и любви.

Королева хотела, чтобы Повелитель ее поцеловал. Похоже, не только королева, но и птицы желали этого. Они останавливались в полете и движениями своих крыльев навстречу друг другу направляли влюбленных скрепить порыв своих чувств поцелуем. Но птицы не знали, что от этого поцелуя пострадало бы самолюбие графа, он просто не мог допустить, чтобы Повелитель ее поцеловал. Но королева считала иначе, ведь в сказке принц целует принцессу, а она считала, что находится в сказке, поэтому возвращаться на грешную землю не желала и еще крепче сжимала в своих руках нежнейшие нити радужных качелей. Королева очень хотела влюбить в себя Повелителя, и тогда она сможет остаться с ним навсегда, о возвращении ее в Сель-Арме не могло быть и речи. Ей срочно необходимо было разжечь в Повелителе страсть, так сказать, подбросить дровишек в тлеющий костер. И она вспомнила, как смело упражнялся граф на ее балу, послав к ней навстречу воздушного и очень нежного барашка. А почему бы ей не попробовать это сделать, она ведь находится в сказке, а в сказке возможно все. И она вдруг заметила одинокую бабочку, пролетавшую с ней рядом, и си-

лой мысли направила ее к губам Повелителя, и ее крылышками стала нежно щекотать такие желанные губы Повелителя. Граф был удивлен, неужели это не сон? Но королева очень искусно стараясь соблазнить Повелителя, изловчилась так, что уже крылышками пыталась приоткрыть плотно сжатые и так просто не сдававшиеся губы Повелителя.

«Это должен делать мужчина, а не женщина», – мысленно возмущался граф. Он не ожидал от столько юной особы столько прыти.

Но в этом возмущении он и не заметил, как приблизились губы Повелителя к губам королевы, и он стал очень медленно и чувственно целовать ее, стараясь исследовать каждый миллиметр ее сладких уст, он ведь так долго этого ждал и заслужил эту неожиданную награду. Но это было всего лишь его видение, в действительности, же граф продолжал держать оборону и не сдавался. Стараясь побороть это наваждение, он резко остановил качели, все вокруг закружилось, и они с королевой оказались на земле: «*Так, по крайней мере, устойчивей*», – мысленно успокоил себя граф. Королеве так не казалось: «*Почему мужчины такие трусливые?*». Она разочаровалась в Повелителе, а графу это и было нужно.

Много нового сегодня о себе узнал граф, таким бесчестным способом добиваться любви девушки, устранять таким некрасивым способом своего соперника. А с другой стороны, ему хотелось уже давно махнуть на все рукой и окунуться с головой в этот упоительный водоворот сладкой неги и

чувственной страсти. Когда еще представится такая возможность – ведь сейчас в его руках сосредоточена неограниченная власть, и этот юный и такой сладко заветный запретный плод, который сам готов упасть в его ладони. И граф решил подарить себе еще один день в роли Повелителя, тем более королева сможет простить ему любую его прихоть.

Пока граф спокойно размышлял, лежа в своей постели, королева уже в своих мечтах действовала, наступала по всем фронтам. В своей девичьей фантазии она нарисовала такой нежный, шелковый розовый шатер, который она поместила в такую небесную высь, где им уже никто не сможет помешать уединиться. И она решила слегка перефразировать известную восточную притчу: *«Если гора не идет к Магомету, то она вместе со своим шатром отправится на поиски заветной горы»*.

До графа стали доходить флюиды решительно настроенной королевы, и он решил вместе с Повелителем отсидеться в горах, но, чувствуя, что это ему не поможет спастись, решил принять вызов. Ее розовому шатру он решил противопоставить простую и очень грубую канатную веревку. На ней он и спустился к ее шатру. Хватит ли ей сил удержаться на ней вместе с ним. Но граф и подумать не мог, что после вчерашних выражений, вестибулярный аппарат королевы был готов и не к таким нагрузкам. Королева вошла во вкус, чувствуя, что ее тело стало таким сильным, гибким и упругим, что ему стало сейчас подвластно все. Увидев ее, такую

нежную на фоне розового шатра, граф понял, как эта грубая канатная веревка не сочеталась сейчас с внутренним пейзажем души королевы, с ее игривым настроением, и он тут же из веревки соорудил качели, конечно, они уступали вчерашним, но что поделаешь – «*Селяви*». И он протянул ей свою руку и замер в нерешительности. Дело в том, что он не знал, куда ее посадить: на качели или на свои колени, пространство было слишком ограниченным для двоих. Посадить на колени было слишком провокационным, но очень заманчивым решением. И он притянул ее к себе, но так получилось, что в этом спонтанном движении, ее стройные ножки с легкой непринужденностью обхватили его талию, а ее сладкое трепетное дыхание с волнением остановилось на его губах. Чтобы полней почувствовать близость Повелителя она легко распрощалась с легким платьем, и граф ощутил бархатную нежность ее разгоряченного тела. Воображение графа необычайно разыгралось, ведь она так открыто и с таким призывом смотрела в его глаза в своем тотальном доверии к миру и к нему – как Повелителю. И это стало просто невыносимой мукой, таким искушением для него. Сейчас она была той женщиной, с которой можно было испытать невероятную гамму чувств, недоступную простому смертному, погрузиться в упоительный водоворот нежности, страсти и сладкой муки. И вдруг он понял, что Повелитель сделал хитрый ход, покинув графа, предоставив ему самому решать, что ему делать с прекрасной гостьей. Но таким способом Пове-

литель очень быстро мог достигнуть своей цели. И граф потерял свою привычную бдительность, об этом говорили его руки, которые непроизвольно сейчас нежно поглаживали ее талию, стараясь подняться в своем наслаждении еще выше. Никто ему не мешал, поэтому могло показаться, что сейчас с королевой находится он сам, а не Повелитель. Повелитель, почувствовав, что граф нерешительно замер и отчаянно сопротивляется его воли, ответил ему мощным гравитационным полем, которое он всей силой и мощностью сосредоточил и направил в одну точку, в эти канатные качели. Этому сильному притяжению уже нельзя было противостоять. В небе грозно прокатились первые раскаты грома, горы в ответ на этот призыв ответили невероятным по силе содроганием и гулом, невинная земля в страхе задрожала. Граф, как ни странно, в этой ситуации мог еще хоть и лихорадочно, но все-таки соображать. Он понимал, что они могут с королевой погибнуть, может быть, напоследок стоит насладиться друг другом. Но он выбрал другой путь, более рискованный, и отпустил канатные качели (*будь что будет*), и они с королевой, которую он крепко держал на своих руках, стремительно стали приближаться к земле. И вдруг, откуда ни возьмись, возникло крепкое ветвистое дерево, которое любезно позволило графу зацепиться краем своей одежды за крепкий сук. Граф был несказанно рад этому спасению, королева же сделала вывод о том, что не стоит не только так рано обнажаться перед мужчиной, но и обнажаться самой, лучше, ко-

гда за тебя это сделают другие.

В эту ночь граф не мог уснуть, он понимал, что еще несколько таких битв, и он потеряет королеву. Он стал лихорадочно соображать, как ему сохранить свою любовь, и остаться живым при этом. Как же ему противостоять Повелителю, есть же какой-нибудь способ, он хотел задать вопрос Сеи Нерим, но ее присутствие рядом он сейчас почему-то не ощущал. Граф решил отдохнуть, а утром решение само найдет своего героя. А сегодня он себя ощущал героем, он ведь спас королеву. *«От кого? От самого себя»*, – уже во сне улыбнулся своему неутешительному выводу граф. Ночью ему приснились волшебницы таинственных гор, которые звали его с собой в далекие и такие таинственные ущелья. И он принял твердое решение, что оставит мантию Повелителя, а сам отправится в путь. А королева пусть немного поскучает с Повелителем, потому что он без чувствительной души графа всего лишь красивая мантия.

Глава 4. Волшебницы таинственных гор

Необходимо было внимательно приглядеться к волшебницам. Ведь их присутствие в этой сказке не случайно. И вдруг в его сознании промелькнул образ, знакомый ему с детства, образ Артемиды, этой вечно юной, как сама природа, и неуловимой богини, покровительницы лесов, быстрых рек и неприступных гор. Этот образ, за которое сейчас так ухватилось его сознание, был неясным обрывком его глубокого сна, память о котором могла так и «кануть в Лету». Мягким лунным светом Артемиды осветила неясные очертания гор в его сне, и сон стал медленно проясняться. Чтобы глубже проникнуть в свой сон, графу необходимо было встать на неведомую тропу, чтобы с помощью таинственного образа Артемиды распутать этот непростой и запутанный клубок, тревожащих его мыслей. Осторожно надо было ему продвигаться за богиней, не терпящей на своем пути любое присутствие человека. Осторожность и терпение нужны были ему в пути и для того, чтобы не спугнуть любимое животное Артемиды боязливую лань Сериню. А для этого ему надо было отказаться от стремящейся всем владеть в этом мире природы человека.

Граф все еще надеялся, что в этом сумрачном лесу, по ко-

торому он бесшумно продвигался вслед за Артемидой, она начнет непревзойденную свою охоту, но эта суровая богиня так и не открыла свой колчан, так и не натянула тетиву своего лука. И граф так и не увидел божественную стрелу Артемиды. *«Может еще не время, – подумал он, – А может, у стрелы Артемиды совсем другое предназначение, не доступное пониманию простого смертного».* Он почувствовал, что на кончике этой божественной стрелы Артемиды запечатлено желание познания, обладания и проникновения в таинство жизни и смерти. И вдруг богиня обернулась. Наступил решающий момент в жизни графа, решалась его судьба. Зная о незавидной судьбе неразумного Актеона, увидевшего обнаженную Артемиду, и меткого охотника Ориона, дерзнувшего доказать богине, что он не уступает ей ни в силе, ни в ловкости, граф мгновенно замер и представил себя в образе дерева, ведь дереву она точно ничего не сделает плохого. В ответ богиня весело рассмеялась неказистой находчивости графа.

– Зачем отправился в путь, раз так боишься меня?

– Хочу испытать себя.

– Хорошо, что не меня.

Первое испытание он прошел, а может, это и не было испытанием вовсе, а так – легкая рябь на воде, а все трудное еще впереди. Этого граф, к сожалению, знать не мог. Стоило ему так подумать, как Артемида со своей любимой ланью исчезла, исчезли и их следы в сумрачном лесу. Куда двигаться

дальше граф не знал. Он забыл свой сон, с помощью Артемиды он хоть как-то на ощупь продвигался, теперь же граф делал усилия, чтобы вспомнить его. Перед его мысленным взором предстал неясный мир теней, это был, с одной стороны, близкий и в то же время далекий ему мир. При приближении к силуэтам людей, они словно таяли, их неясные речи тонули во мгле. Он не мог ухватиться ни за одно слово, которое, как ему казалось, могло распутать, расшифровать этот сон. Неожиданно возник приглушенный свет, и граф увидел людей, образовавших собой круг, а в центре этого круга молодого светловолосого мужчину, который с невероятной доброжелательностью протягивал свою руку людям в этом круге, словно прощаясь и прощая каждого из них. С мужчиной граф не был знаком, а лица людей в этом круге невозможно было разглядеть, они были размыты. И вдруг он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, и увидел волшебницу Веар, которая стояла поодаль круга, по выражению ее лица он понял, что заглянул в чужой сон, в ее сон. И она позвала графа продолжить путь вместе с ней к истоку ее жизни.

Будущая волшебница не была одной из шестидесяти дочерей могущественного Океана, попавших в свиту Артемиды, ни одной из двадцати прекрасных нимф, прислуживших богини. Она была простой смертной девушкой, еще не носившей пояса на своем легком платье, но она очень почитала Артемиду и все, что окружало ее. Она не владела мягкой, плавно текущей, легко обходящей крутые стремнины приро-

дой воды. Не знакома была ей и быстрокрылая, вездесущая природа воздуха. Но природа этих стихий была очень близка ей, ведь она жила на берегу прохладного горного ручья, где так по особенному был упоителен воздух, и кристально чиста была вода. Уютный грот служил их семье надежной маленькой крепостью. С детства родители брали ее с собой в пешие прогулки. Она знала каждую луговую травинку, цветочек, ручеек, направление ветра, знала, что у каждой частички природы есть душа, ее творческое воплощение. С детства она любила слушать сказания о прекрасных нимфах. Самыми молчаливыми были дриады, покровительницы лесов, которые рождались и гибли вместе с деревом, веселым и озорным, бьющим через край настроением, отличались наяды, покровительницы рек, ручьев и озер, самыми нелюдимыми и неприступными были ореады, покровительницы гор. И она очень хотела быть из числа их. Родители, зная об ее увлеченности, желании проникнуть в недоступный ей мир, дарили ей собственноручно сделанные ими амулеты, в которые они вкладывали частичку своей души, невероятную силу и уверенность в исполнении мечты своего дитя. *«Вера, верой»*, – думал ее отец, – *«а тренировка не мешает моей дочери, нимфы родились такими, а ей предстоит научиться этому. А сначала ей необходимо подружиться с ветром»*.

Никто, как он, не мог легко скользить по безбрежной глади огромного океана, заигрывать с волнами, взбивать кудрявую шевелюру облакам, проникать в таинственные ущелья

гор, легко касаться и нежно ласкать тело юной Артемиды, нашептывая ей о прекрасных юных девах, которых она могла бы обучить зорко охранять девственные уголки природы.

– Чтобы подружиться с ветром, необходимо постигнуть его природу, – объяснил ей отец, – Природа ветра неосязема и неуловима, но посмотри, как она объемлет собой пространство, привнося в него живительное дыхание жизни. Созерцай мир вокруг себя, и ты увидишь, как он откроется тебе и впустит тебя в свою обитель.

И маленькая девочка почувствовала, что ветер живет и в ее любимых нимфах, он неотъемлемая часть их природы, их дух. Его дух есть и в ней, в ее легком беге, в переливчатом детском смехе, в ее легкокрылых мечтах. И вера в возможность осуществления своей мечты пустила свои первые ростки в ее душе. Нимфы уже не казались ей недостижимыми, ведь они были так похожи на нее, такие же маленькие и непослушные.

Ночью, во сне, когда ее тело научилось легко и быстро ослаблять свою хватку, теряя власть над душой, у ее души стали вырастать крылья, и она втайне от родителей стала летать. Прохладное дыхание ночи по-особенному обостряло трепетную восприимчивость ее души. Только ночью воздух наполнялся таинственной жизнью неведомых ей духов, звучанием далеких небесных сфер. Именно в это время у нее появился незримый друг, который подставлял ей свою спину, и она легко вместе с ним преодолевала огромные про-

странства, постигала невероятную высоту. Это был еще не ветер, а всего лишь легкое, быстрое крыло движение его. После таких ночных путешествий, когда ее душа возвращалась в свою привычную дневную обитель, каждая клеточка ее тела наполнялась таинственной грустью неведомого ей мира.

Когда Веар окунулась в вольную, полноводную стихию юности, отец решил вместе с семьей отправиться в морское путешествие, познакомить дочь с непостоянством морских волн, этих морских дев, дочерей морского старца Нерая, тем самым испытать ее характер на прочность. Только в этом неподвластном человеку мире, как считал ее отец, душа человека может прикоснуться к божественной силе, стать частью ее. С грустью покидала она привычный берег, ей хотелось предложить отцу вернуться, но ее уста были сомкнуты неведомой силой, которая уносила их лодку в неизведанные просторы чуждой стихии. Море околдовало девушку. Ей захотелось увидеть прекрасных nereid, которые, как ей рассказывала мать, обитали в серебряных пещерах на морском дне и тихо пряли на своих золотых прялках, умиряя море, но стоило им только лишь блеснуть на бархатной поверхности моря, как тут же появлялись дельфины, тритоны и другие морские божества, которые приносили с собой радостное оживление и чешуистую переливчатость морских волн. Заворожено смотрела Веар, как играет в море своей свободной волной прекрасная Галатей, призывая вступить с ней в своеобразный поединок на плавность и скорость веселых дель-

финов. Ночью с замиранием сердца наблюдала она, как убавкиваются волны мерцающим светом звезд. Казалось, что неведомая сила охраняет их маленькое уязвимое суденышко, эту маленькую точку в бескрайних просторах грозной стихии. Но отважные мореплаватели не знали, что мойры, неутомимые ткачихи судьбы, готовы были им уже преподнести свой неумолимый дар, что оборвать нить их жизни давно хотел сосед, облюбовавший их грот, отправив свое завистливое послание в бутылке морскому владыке, обвинив свободного мореплавателя в желании посягнуть на власть самого Посейдона. И грозно сверкнул своим трезубцем неумолимый повелитель морской стихии, призвав верных тритонов, вестников глубин, и гиппокампов, горячих скакунов своих, которые лишь взмахнули своими рыбьими хвостами, и от маленькой лодки остались лишь одни щепки. Сказка, не успев начаться, закончилась. Каким-то чудом дельфин вынес Веар на берег безопасной бухты. Напрасно смотрела она с надеждой в необозримую даль, никого так и не увидела она. Ей отчаянно захотелось стать коралловым рифом, или одинокой скалой, или стремительной чайкой в надежде когда-нибудь встретить родную ей душу.

Граф почувствовал, что одинокая девушка и есть его путь к свите Артемиды, но амазонки преградили ему путь.

«Неужели, это воинствующее царство женицин помешает мне встретиться с Артемидой. Что я должен буду сделать: вступить с ними в схватку и закалить тем самым

свою волю или ...?»

На его отчаянный призыв отозвалась Артемида, ее образ снова мелькнул перед ним: *«Чем же тебе помешали амазонки, эти невинные женщины?»*

– Невинные? – усмехнулся он в ответ.

– Неужели ты своей упрямой волей сможешь укротить их? Не смей меня, в любви нужно просто любить, а не ломать понапрасну свои копья, – тихо ответила она ему на его самый сокровенный вопрос.

Ему захотелось еще задать вопросы Артемиде, но она вновь ускользнула от него, но вместо себя подбросила ему загадку в образе кентавра, который предстал перед ним в сумрачном облачении ночного тумана, и, подставив ему свою спину, помчался вместе с ним по бескрайней равнине. И граф почувствовал, что его странный спутник, уже не касаясь земли, легко несет его. Тепло земли не отпускало их, душа же графа стремилась раствориться в ночной прохладе тумана. Тайственной улыбкой Моны Лизы блеснула в облаках луна, и звезды в своем безмолвном созвучии направили свои лучи навстречу ей. Чем-то очень близким откликнулась душа графа на молчаливую улыбку Луны. И образ Артемиды вновь возник перед его взором. Он не мог понять, почему этот образ непонятной грустью берedit его душу. И вдруг кентавр остановил свой летучий бег, и граф сквозь туман различил очертания гор, это был обрывок его таинственного сна, с которого он и начал распутывать его нить, стара-

ьясь его вспомнить. Кентавр медлил, как будто ждал разрешения проникнуть со своим незванным гостем в таинственную обитель. И вдруг невероятная сила закружила и затянула их в воронку, и они очутились в пещере, и граф увидел, как скользнула вдоль стены чья-то быстрая тень и зажженным факелом осветила неприютную пещеру. И словно ожившие полотна картин давно минувшей эпохи заиграли яркими красками стены пещеры. И перед графом предстал в своей легкой небрежности Дионис, как триумфатор, держащий в своей руке тирс, увитый плющом и увенчанный сосновой шишкой, и его любвеобильная свита. Вакханки, незнающие светского этикета, в неистовом танце плоти призывали к оргиям, охмелевшие от вина козлоногие сатиры весело водили хоровод с нимфами, в тотальном желании готовые в любую секунду заключить в свои объятия любую из них. Никуда не спешил мудрый учитель Диониса – Силен, спокойно, словно на троне, восседавший на своем осле, который миролюбиво пощипывал травку. Мягкой грацией вкрадчивого искушения шествовали священные животные Диониса пантера и тигр, необузданной силой плодородной земли раздувались ноздри быка Аписа, который мощью своего копыта укрощал непокорную и ревнивую Геру, некой загадкой в этом священном тотеме выступала грациозная лань, как сама жизнь, готовая в любой момент ускользнуть и раствориться в тумане.

– Меня зовут Вербас. Мы врачуем уставшие от земной жизни человеческие души, слетевшие к нам как мотыльки

на огонек, – услышал он обращенный к нему голос кентавра, – Люди, прежде всего, желающие существа, поэтому тайные мистерии Диониса притягивают их как магнит. Я был рожден как все кентавры, буйным и невозддержанным. Я был молод и неукротим, как бурные потоки, не знавшие на своем пути преград. Чувственная молодая кровь желала изведать нежную плоть, обладать всеми прекрасными девушками, встречающимися мне на моем пути. Мои глаза не знали, в какую сторону смотреть, так много было у меня желаний, ноздри мои раздувались от необузданных страстей. Я весь пылал. Таким я и предстал перед прекрасной амазонкой Лояв, золото волос который пленило меня. И я остановил свой безумный бег, как вкопанный стоял перед этой непокорной, свободолюбивой девушкой, верной раз и навсегда выбранному пути – служению Артемиде. И я преклонил свое колено перед ее неукротимой волей. Судьбой мне дано было ощутить свои истоки: тот предел, где обитает дух, где раскаленный солнечный диск, сливаясь с облаками, волшебным дыханием спускается с гор. Как только я ощутил в себе двойственную природу, животного и человеческого начала, я стал проводником между тончайшей гранью противоположных миров. Мне не достигнуть совершенства Вергилия, но у нас ведь не круги ада, а всего лишь скромная обитель, учителей для которой выбирает сама Артемида, она наша богиня. Особенно у нас почитают Диониса, никто как он и его чудодейственный напиток не сможет расслабить тело и

душу. Люди вообще не научились сами расслабляться, а Дионис им в этом помогает, он расслабляет не только тело, но и развязывает язык. Приобщает несчастные души к ораторскому искусству. А это наша прекрасная миниатюрная волшебница Лания, – и Вербас указал в сторону столпившихся теней, – Не может отбиться от желающих получить свою порцию удовольствий.

– А почему они без глаз, даже у Циклопа хоть один глаз, да был?

– Они у них от желаний разбежались. Зато у нашего фригийского царя Мидаса есть глаза, который пожелал, чтобы все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в золото. Золотыми слитками горят глаза его, устрашая и предупреждая алчущие души.

По мере продвижения вглубь пещеры граф чувствовал, как этот мир теней и неуловимых образов обволакивая, затягивает его в свою воронку. Перед его взором полыхнуло золото волос волшебницы таинственных гор Лояв, которая держала в своих руках связку пышно развивающихся темно-синих водорослей. Кентавр Вербас мгновенно оказался рядом с ней, стараясь заранее предупредить, исполнить любое ее желание. Он быстро соорудил из камней жертвенник и зажег священный огонь, а волшебница сплела из водорослей венки. На это действие сбежались вакханки, одной из них волшебница протянула венок, другие же вакханки попытались тут же вырвать его. Чтобы остановить эту вакханалию

и успокоить взволнованных вакханок, Лояв повелела встать им вокруг жертвенника и передать венок по кругу, совершив тем самым некий обряд. Бережно передавая из рук в руки венок, вакханки притихли, Лояв их не останавливала, движения их рук стали плавными и замедленными, словно мерное движение прибрежных волн.

– Что это за обряд? – спросил граф кентавра.

– Это заклинание синей бороды, некий жест прощения и прощания с ней, она ведь так мешает королеве любить и быть любимой. И на недоуменный взгляд графа пояснил: «Среди экспонатов нашего пещерного музея не нашлось ни одного аналога синей бороде, поэтому пришлось использовать подручный материал, который нам любезно предоставила природа. Как исполины древних морей водоросли живучи, и от них не так просто избавиться, так же как и от синей бороды, образ которой долго вынашивало в своих тусклых кладовых мятежное средневековье. И вместо того, чтобы сражаться на турнирах за благосклонность прекрасной дамы, некоторые особи мужчин отрастили себе синие бороды, и потихоньку стали охотиться на ведьм, сжигая свою страсть и усмиряя свою плоть на кострах инквизиции. Наш же огонь священен, забвенью придадим все страхи королевы, пусть рыжее пламя растопит одинокие льдинки ее души».

Граф почувствовал, что кому-то здесь ведомы все закоулки его души, все ее чаяния. «Неужели она»? – и радостное волнение наполнило его душу.

Он почувствовал, что она никогда не покидала его и продолжает светить ему и вести его из того таинственного и недоступного живым людям мира, своей и только ей одной знакомой и безопасной тропкой, пробираясь вместе с ним к его заветной мечте. Ему вдруг так сильно захотелось заключить ее в свои объятия, подарить и вернуть ей всю нерастраченную свою и ее нежность, нежность его матери. И вдруг он почувствовал очень близко ее руки, которые когда-то так уверенно натягивали тетиву его лука, желая, чтобы он никогда не брал в руки ружья. И перед его взором дрожащим воздухом девственной земли предсталось вольное движение братьев наших меньших.

– Светает, – с грустью молвил кентавр, ему не хотелось расставаться с другом, – А мы еще не побывали в гостях у царя Авгия, не посчитали его несметные богатства, но в путь мы должны отправиться в веселом расположении духа, – и Вербас, словно мантию, скинул с себя печаль, приглашая графа последовать за ним.

Приближаясь к владениям царя Авгия, граф зажал свой нос и задал резонный вопрос: «Что это за запах?»

– Это вы мягко выразились, граф, вещи необходимо называть своими именами. Это самая настоящая вонь!

«Наверное, так и должен выглядеть ад», – подумал граф, когда они оказались на месте, в пункте назначения, неуказанным на карте Сеи Нерим, – «Хорошая же сказочка, сестра», – усмехнулся он».

И чуть было не поскользнулся на неисследованной его ногами жиже, которая в ответ усмешке графа своеобразно с ним решила пофлиртовать, но он смог противостоять искушению, ведь его ждала королева.

Жижа была ничем иным, как зеркальным отражением склизких, зловонных мыслей, накопленных человечеством, как отхожее место его ума.

На невеселые раздумья графа откликнулась душа кентавра:

– Ярко светил Гелиос своему сыну Авгию, но тот забыл о своей божественной природе, тяжелый груз свалился ему на плечи в виде несметных богатств, надо было поделиться грузом, глядишь, и легче стало бы.

– А где же великий спаситель Геракл, кто это здесь копошится вместо него?

– А вы не узнали нашего завистливого соседа, погубившего семью Веар. Он хотел обладать чужим богатством, он его получил. Теперь ничем не отмоется, никакой Геракл до окончания веков ему не поможет.

– Гребни, не хочу, – с грустью усмехнулся граф, – Загостился я тут у вас, пора и честь знать. В гостях хорошо, а дома лучше, – вздохнул граф.

– Тем более, если такая амазонка ждет вас, – задумчиво произнес кентавр.

Граф был благодарен волшебницам таинственных гор, которые провели его по закоулкам человеческой души, вдоволь

наплутавшись, он решил все же выйти из темного холодного лабиринта и увидеть, наконец, сверкающий своим великолепием солнечный свет.

Глава 5. Он и она

И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала ...
Александр Пушкин

И он вышел на проселочную дорогу, навстречу своей прекрасной амазонке, еще не укрощенной им, которая ничего не подозревая, стояла, прислонившись к огромному камню, и ждала его. В кармане его брюк спокойно дремал маленький блестящий камешек обсидиан, который он как некий талисман не преминул с собой захватить. Талисман этот грел ему душу, обещая блеснуть в его жизни счастьем разделенной любви.

Встретившись, влюбленные обменялись взаимными упреками.

– Почему вы оставили меня одну, бросили в объятья Повелителя?

– Повелитель не допустил бы в свои владения мужчину, – выкрутился он.

Ему понравилась первая совместная перепалка с ней, но и у него к ней тоже были вопросы: «А вам, мне кажется, очень

понравилось в гостях у Повелителя».

– Он очень внимательный и заботливый, – и она показала ему лукошко с ягодами, которые ей любезно предоставили волшебницы, но никак не Повелитель.

«*Выкрутилась*», – улыбнулся он.

Он вспомнил слова Артемиды о том, что в любви нужно просто любить, и не стал больше ее допрашивать, тем более, что он сам не переставал лукавить.

Нита облегченно вздохнула, ей не хотелось говорить с ним о Повелителе. У нее не получалось забыть владыку своего сердца: его голос, руки и такие сладко дразнящие уроки: «*Разве простой смертный сможет подарить такие непередаваемые ощущения!*». Своими мыслями она не хотела делиться ни с кем, но ей показалось, что Иф легко читает их: «*Как Повелитель*», – вздрогнула она от неожиданного сравнения, и, взглянув на него, увидела, что он чувствует себя очень уверенно с ней, как хозяин, повелитель положения.

– А где были вы, пока я находилась у Повелителя?

– Я ждал вас, – скромно отозвался он.

– Так долго?

– Правда, я успел поохотиться в сумрачном лесу. А теперь я должен вас целой и невредимой вернуть во дворец.

– Не вспоминайте о дворце, я туда не вернусь, – очень уверенно ответила она.

– А что вы будете делать? – он внимательно изучал ее.

Единственное, что она знала точно, что теперь свою жизнь

она не представляет без нежности, без той разбуженной в ней чувственности, и она пообещала себе, что обязательно найдет свою любовь. Ему же она просто ответила: *«Буду радоваться жизни»*.

– А что, хорошо, – весело ответил Иф, – для начала я могу вас научить охотиться, поверьте, в наше не простое время это очень необходимый навык, тем более, вы не собираетесь возвращаться к своим прежним обязанностям, – и очень тихо добавил, – Например, могу научить охотиться на мужчин, на мне можете потренироваться.

– Я была бы вам благодарна, – улыбнулась она, ей очень не хотелось возвращаться в Сель-Арме.

Разговоры с ним доставляли ей теперь приятную пищу для ума, а может быть, и для сердца, такого одинокого и несчастного теперь. Но она умолчала, что разочаровалась в Повелителе. Он оказался совсем не героем, которым рисовало ее пылкое воображение. Образ Повелителя, как ей теперь казалось, она будет использовать в общении с графом, чтобы вызвать его ревность, а, может, для того, чтобы повысить свои требования к нему.

«Испугался грома», – мысленно возмущалась она, – *«А потом, так и не появился, так и не поцеловал меня, не попрощался со мной, а эти его несносные волшебницы выставили меня, правда, вручили лукошко с какими-то ягодами, ягоды вместо обещанного сада, но графу это знать не обязательно»*, – и она укоризненно взглянула на него.

Ей показалось, что он легко читает ее мысли, с таким пониманием и сочувствием встретил он ее недовольный взгляд. И она рассердилась на графа и на себя за то, что показала свою уязвимость перед этим несправедливым миром. А мир действительно был несправедлив к ней, мелькнув огоньком возможного счастья, тут же захлопнул перед ней свои чудесные створки, чуть не прищевив ей нос на прощанье.

– Долго ты будешь дуться, посмотри, какой чудесный день, – ему очень захотелось растормошить ее.

– А мы уже на «ты»? – осекла она его.

– Как злость не идет юной прекрасной особе, – пожал плечами он, – Ну, что ж, тогда я отведу вас во дворец, вам там самое место, посажу вас на ваш холодной трон, может, хоть его вы согреете.

– Что ж, ведите, – приняла она его вызов, но тут же примирительно взглянула на него, – А, может, сначала поохотимся? – и она рукой прикоснулась к его руке.

– Какая вы не последовательная.

От этого его холодного «вы» почему-то болью стало сжиматься ее сердце, она испугалась, что сейчас может потерять его, как некогда потеряла Повелителя. Она почувствовала, что ближе его у нее никого нет, и решила придержать свои удила.

Камешек в его кармане весело перевернулся, как бы говоря своему хозяину: *«Эй, не унывай, я с тобой».*

«Может, и вправду, устроить себе праздник, я даже

толком не изучил его волшебные свойства. Не так прост этот камешек, слишком однобоко я его использовал. Может, свои волшебные свойства он проявит и без вставления его в глаз, стоит лишь прикоснуться к нему и нежно его погладить», – мысленно вопрошал граф, ему не хотелось раскрывать свои карты перед королевой. Камешек в знак своего согласия и преданности погладил его ладонь: *«Вот теперь скажи, что этот камешек неживая природа, она и есть самая настоящая живая материя, появившаяся задолго до человека»*, – он почувствовал, что у него появился союзник, настоящий друг. Ему вдруг стало интересно, какой путь превращений прошла эта материя, чтобы накопить, сохранить эти чудесные свойства, так необходимые вечно чего-нибудь желающему человеку. Мысли о женщине ушли на задний план. В своих рассуждениях он все дальше забирался в философские дебри, его уже интересовала природа философского камня. Королева, почувствовав, что его интерес к ее персоне пропал, решила не отставать от графа, она скинула свои неудобные туфли и, надев легкие сандалии, которые она с практической точки зрения успела прихватить с собой из кладовых замка Повелителя, поспешила за графом в сторону темнеющего леса.

– Что вы делали в сумрачном лесу? – с непонятной для нее самой тревогой спросила она, как будто от этого вопроса зависела ее жизнь.

– Смотрел на обнаженных вакханок, – своим ответом он

слегка решил ее подразнить.

– Что они там делали? – нетерпеливо задала она ему свой вопрос.

– Танцевали. Их тела были так прекрасны в лунном свете, – продолжал будоражить ее воображение он.

– Вы с ними танцевали? – она готова была от досады расплакаться.

– Нет, я только позволил себе из надежного укрытия наблюдать за ними. Артемида не поняла бы меня, – он говорил с ней загадками.

Ей очень захотелось каким-нибудь предметом запустить в него. Она готова была сразиться не только с ним, но и с этими чертовыми вакханками. Стоило ей ненадолго отлучиться, как неизвестно откуда появились вакханки, и нарисовалась Артемида. Нет, мужчину нельзя надолго оставлять одного без присмотра.

– За что мне такое наказание? – Ей не на кого было опереться. Только сейчас она вспомнила своих непутевых слуг. – И они покинули меня, – она дала себе волю посетовать на несправедливость жизни, пока граф готовил им ночлег.

– С кем это вы так живо разговариваете? – улыбнулся граф.

– С лукошком, – выкрутилась королева, и очень нежно прижала его к себе.

И только сейчас внимательно взглянула на его содержи-

мое. Спелость и аромат ежевики, смородины и черники на мгновение привнесли в жизнь королевы ее былые радости, с которыми она великодушно решила поделиться с графом. И вдруг в упругой темноте этих ягод она поймала лукавый взгляд Повелителя, оказывается он и не собирался ее покидать. Ей захотелось, чтобы он тут же унес ее в свой замок. Она смаковала ягодку за ягодкой, но ничего не происходило, это был всего лишь мираж, к сожалению, так чаще всего и бывает в нашей жизни.

Она протянула на ладошке ягодки графу, он аккуратно съел их и задержал свои губы на нежных бугорках ее ладони, тепло его дыхания обожгло королеву.

«А что, может мне выйти замуж за графа, и стать графиней, графиней этого леса», – в сладком предвкушении подумала королева.

Нежный аромат этого леса убаюкивал ее, и тепло графа, который находился так близко от нее. Она посмотрела на его крепкие руки, почему они бездействуют, ведь рядом с ним возлежит сама королева, а, может, и не возлежит вовсе, а так, рядом примостилась. Граф же не мог поверить своему счастью, но старательно скрывал его, чтобы не сглазить. Ему было очень интересно наблюдать за капризными извилистыми желаниями, которые витали над ее прекрасным белоснежным лбом. Ему хотелось, чтобы все ей улыбалось, а он постарается, чтобы она как можно дольше оставалась ребенком, его любимым ребенком. Но расслабляться было рано,

он чувствовал, что мысли о Повелителе все еще волнуют такую впечатлительную душу королевы.

Утром, когда они отправились в путь, королева посетовала, что лес так однообразен, не то, что радужные качели Повелителя, и предложила ему отвести ее снова к Повелителю. На что он ей ответил, что они еще далеко не ушли, она и сама знает дорогу.

– И хочется вам плутать, в замке мы могли отдохнуть и насладиться великолепием гор!

– А вы уверены, что Повелитель ждет вас?

– Я думаю, что он очень обрадуется, увидев меня.

– Не плохая идея вернуться к нему, тем более лукошко вы опустошили, – рассмеялся граф.

– И вы к этому тоже приложили руки.

– Скорее рот. Если он ждет вас, то идите, нет, лучше бегите, а я вас здесь подожду.

– Тогда отведите меня в Сель-Арме, – продолжала торговаться королева.

– Как скажите, моя королева.

Этот официальный тон не понравился королеве, она почувствовала, что рвется тоненькая ниточка, установившаяся, пусть хоть и на короткое время, между ней и графом, и ей стало очень грустно.

«Почему не стать на время снова Повелителем, ведь камешек все еще находится в моем кармане, а может махнуть на все рукой и стать Повелителем, зажить счастливо с

королевой в замке», – но он чувствовал, что такая сладкая жизнь не для него, она ему быстро надоест, нельзя же всю жизнь качаться на качелях.

– Сель-Арме, так Сель-Арме, – после недолгих раздумий граф принял твердое решение вернуть королеву на трон, а самому отправиться в очередное путешествие.

Но у Повелителя были другие планы на эту влюбленную парочку, и камешек в кармане графа перевернулся и больно резанул ногу графа, чтобы он не забывался, ведь рядом с ним находится сама королева.

А может, он сердится на собственное бессилие, что не может затмить Повелителя. И перед его взором предстали волшебницы таинственных гор, он почувствовал, что разгадка очень близка, но все время ускользает от него, как Артемида в его сновидении. Неужели, напрасно он так долго блуждал в его лабиринтах? И вдруг к графу вернулось веселое расположение духа, и он почувствовал, как замер лес, затаилась каждая травинка в нем, прислушиваясь к велению его сердца, и он вновь ощутил себя свободным и полновластным властелином леса, и ему очень захотелось похулиганить в лесу. Мысль о Повелителе перестала его волновать, камешек в его кармане присмирел и ждал приказаний от своего господина. И граф инстинктивно прикоснулся рукой к талисману, и тут же деревья расступились, и перед изумленным взором королевы возникли скалистые горы и спадающие с их крутых склонов лазурные водопады.

– Вы не хотите со мной искупаться, вода здесь кристально чиста, как слеза ребенка?

– Я кроме королевской ванны ничего в своей жизни не принимала, – королева была непреклонна.

– Когда-то надо начинать. А как же источник вечной молодости?

– Откуда вы знаете об источнике? Вы и есть Повелитель?

– Берите выше, – уверенно улыбнулся он.

Королева почувствовала, что речи графа сильно начинают ее волновать.

– Так кто же вы?

– Сатурн.

Этот ответ поверг королеву в некое замешательство. С Повелителем она знала, как себя вести, да и с графом тоже, но вот с Сатурном?

– Докажите, – и она игриво взглянула на него.

Но какие доказательства были нужны ей еще? И она вспомнила, как планету Сатурн приняла за широкополую светящуюся шляпу, вспомнила она и шляпу графа, которую он направил по направлению ветра, и она бесследно исчезла. Столько времени гоняться за Повелителем, когда у нее перед носом все это время находился сам Сатурн! Да и чудеса, которые прямо сейчас происходят на ее глазах!

Граф, увидев в прекрасных глазах королевы столько восхищения, тут же пожалел, что так опрометчиво пошутил про Сатурна. Тягаться с самим Сатурном – было выше его сил.

Ему вдруг захотелось встретиться со своей старшей сестрой и спросить ее, когда она, наконец, напишет концовку сказки: «*Мы все ждем*», – мысленно обратился он к ней. Он был уверен, что королева тоже устала плутать вместе с ним по лесу.

– Я пошутил, никакой я не Сатурн.

– Вы есть самый настоящий Сатурн, у меня все сошлось.

– Что сошлось? – граф растерянно посмотрел на королеву. Он понял, что ничего уже не понимает в этом мире, по крайней мере, женщин точно не сможет никогда понять, что все-таки им нужно. Какой образ они на него еще примерят, кем он еще не был в своей жизни: «*Средневековым рыцарем, я еще не был*», – мысленно усмехнулся он, но в тяжелые доспехи облачаться он точно не собирался.

Королеве же очень хотелось, чтобы граф оказался графом, а то Сатурн может улететь от нее, не только может, он и улетит в свои бескрайние просторы вселенной. Граф тоже был согласен с королевой, пора ему стать самим собой. И он протянул ей свою руку, а она без раздумий ответила ему радостным согласием. Нита почувствовала, как приятно ощущать в своей руке тепло его руки, и ей захотелось, чтобы дорога эта никогда не кончалась. В дороге Иф стал увлеченно рассказывать ей о своих приключениях в чужеземных странах: о старом пирате Карлосе и его находчивой трубке, которая сама готовила ему ром, о попугае–полиглоте Родригесе, который умел не только красиво говорить, но и петь, о добром крокодиле Сантьяго, который, словно загадочный Харон, не

раз выручал графа, переправляя его через опасную Амазонку.

Нита жадно следила за ходом его повествования, ей тоже захотелось сопровождать Ифа в его рискованных странствованиях. Она думала, как намекнуть ему, что ей совсем не хочется возвращаться в Сель-Арме. Рядом с ним она перестала ощущать пространство и время. В своих мечтах она стала наполняться им. Сладко пропускала через каждую жилочку своего тела его имя, тембр голоса, который сейчас так сильно будоражил ее. К ее телу невозможно было прикоснуться, настолько оно представляло один сплошной сладко болящий нерв: *«Что же он напрасно теряет драгоценное время, пока они вдвоем, скоро они доберутся до королевства, и сказка закончится, так и не успев начаться. Зачем же он так мучает меня, когда же признается мне в любви».*

Ей хотелось прекратить эту сладкую пытку, но ее пресловутая гордыня не позволяла признаться в своих чувствах ему, да и разве мужчина не должен первым сделать признание.

Но граф Агссолеи, как никогда был серьезен, и не собирался выпускать своих крылатых коней любви навстречу ей: *«Он такой же упрямый, как и его осел».*

Этот день так утомил ее, и она, сладко зевнув, решила, пока Морфей не накрыл ее своим покрывалом, еще раз взглянуть на своего мучителя. И неожиданно в темных зрачках его глаз она увидела едва уловимый нежный огонек, кото-

рый мгновенно согрел ее колыбельной песней, которая в детстве, пока были живы ее родители, бережно укрывала своим волшебным пологом и уносила ее в сладкие сны. Теперь под его защитой она могла заснуть, с его именем на устах и его крепкой рукой, которую она не хотела никогда больше выпускать из своих рук, Нита провалилась в сладкую негу. Утром, открыв глаза, она увидела, как Иф колдует над костром, стараясь приготовить для нее ароматный чай. И первое впечатление от их первой встречи вернуло ее на ту проселочную дорогу, когда она впервые увидела его, солнце с ветром свободно тогда играли в его темных волнистых волосах, а радужная оболочка его глаз сияла радостным удивлением от неожиданной и такой долгожданной первой встречи. И она поняла, что та встреча была для нее подарком судьбы. А ее красота без него просто завяла бы. Но он протянул ей свою крепкую руку, и она вместе с ним отправилась в это невероятное путешествие. И незнакомое прежде ей чувство, чувство благодарности переполнило ее душу. Благодарность за нежного барашка, за нежное море цветов, за невинные поцелуи перед их дорогой к Повелителю. Впервые в ее жизни появился смысл. И этот смысл был он, ее светлая любовь к нему. И в ее душе трепетно зазвучала нежная и в то же самое время грустная мелодия скрипки, она хотела поведать девушке о быстротечности юности, времени, когда мы можем полной пригоршней захватить у жизни пышный цвет и полноводность наших чувств. Юность – эта таинственная алхи-

мия души влюбленного, где неповторимость и сладость первого прикосновения, первого поцелуя переплетается с жарким ожиданием встречи, той единственной и такой долгожданной первой ночи. И они неспешной и легкой поступью стали продвигаться навстречу друг другу. Между ними установился свой собственный неповторимый язык любви, понятный без слов им одним. Он хотел посвятить ей свою собственную лунную сонату, ей же захотелось сказать ему, что он самое драгоценное, что есть у нее в жизни. Впервые жизни она захотела родить ему детей, их маленьких звездочек, чтобы одиноким созвездием, неким символом вечной любви оставить след в этой жизни.

– Нита, – тихо позвал он ее.

Он хотел показать ей удивительный цветок, а может, он просто хотел, чтобы она близко подошла к нему и стала ему еще ближе. Невероятной нежностью и радостью отозвалось в ее душе произнесенное им ее имя. Она присела рядом с ним.

– Красивый цветок? – спросил он ее.

– Красивый, – ответила она, мельком взглянув на цветок.

Ей захотелось задержать это мгновение, мгновение установившейся между ними невероятной близости. Он же в ответ осторожно прикоснулся губами к ее щеке и замер в своей невероятной нежности к ней, замерла и она, боясь пошевелиться.

И вдруг она почувствовала, что ее чувство к нему распускается множеством нежных ароматных цветов в ее душе,

и она поняла, о каком саде говорил Повелитель, вспомнила она и слова Сеи Нерим о том, что необходимо найти себя настоящую, и тогда она окажется в прекрасном саду.

Иф почувствовал, что настало время расстаться с камешком, но прежде чем с ним распрощаться навсегда, он не преминул щегольнуть им перед ней. Обсидианом неожиданно сверкнула радужная оболочка его глаз, и этот полыхнувший огонь, который был красноречивым признанием ей в любви, обжог ее.

– Так это были вы? – и она тут же поправилась, – Так это был ты, Иф? – и от этой неожиданной разгадки по ее телу радостно побежали мурашки.

Повелитель, мучитель, учитель и ее любимый – все в одном флаконе, о чем можно еще мечтать любящей женщине. И этот аромат, заключенный в одном флаконе, неожиданно вернул ей драгоценные ощущения чувственной неги, мучительно страстных желаний.

Она потянулась к нему, но почувствовав, что ей мешает корона, тихо произнесла: «Я сейчас». И стремглав исчезла в изумрудной вечности можжевельника. Она быстро освободилась от всех атрибутов королевской власти, освободила свои волосы от шпилек, и они богатой волной закружились вокруг нее. От прародительницы Евы ее отделял только небольшой лоскут ткани вокруг ее тела, но и с ним в сладком предвкушении чувствовала она, вскоре придется расстаться, как только она бросится в его объятия.

– Иф! – призывно позвала она его, – Это я!

Она не узнала свой голос, столько было в нем неземной силы, которая могла свернуть горы, которыми окружил себя ее Повелитель. Но никто ей не ответил. Пробираясь через заросли можжевельника, она впервые в жизни почувствовала щемящее чувство одиночества. Сейчас она выйдет на дорогу, их пыльную дорогу и увидит его. Но расступившиеся заросли открыли ее взору невиданный красоты сад. Она замерла, прислушиваясь к звукам таинственного сада, и услышала за своей спиной легкие шаги, его шаги и медленно повернулась. словно боясь спугнуть грациозную лань, он, не смея пошевелиться, смотрел на нее. Она же в радостном волнении стала открыто любоваться им, взгляд ее от крепкого торса невинно скользнул к набедренной повязке, которую ей захотелось игриво сдернуть. Он тихо позвал ее, она встрепенулась и посмотрела ему в глаза. Несколько шагов, как несколько сладких мгновений, которые они растягивали, отделяли их от неземного наслаждения. Первым не выдержал он, целую вечность ждал он этого мгновения, и вот она так близко, ее нежное дыхание касается его губ, которые мгновенно срывают с ее губ печать. Его долгий поцелуй открыл ему ее всю, словно сладостно трепещущую лилию, его лилию!

Эпилог

– Как быстро летит время, – вздохнул Венсан.

– А Вы, мой друг, убыстряете его, – улыбнулся Готье, – но не будем о грустном.

– Девочка превратилась в юную мадмуазель. Где теперь она? Прошел год, как она согласилась на эту авантюру, поддалась на уговоры графа и отправилась на поиски Повелителя. Как тихо стало в Сель-Арме без нее и ее свиты.

– Не живется вам спокойно, мой друг, – улыбнулся Готье.

– Как можете вы быть таким спокойным? – возмутился Венсан.

– Наверное, это старость, и мы становимся мудрыми, потому что на чудачества у нас просто не хватает сил, – и чтобы отвлечь Венсана от бесполезных раздумий, он решил пофилософствовать над незамысловатостью жизни, – Как удивительно устроена наша жизнь, вы бы знали, Венсан, как мне не хотелось впускать вас в свою лабораторию. Я всегда боялся, что Вы разобьете мою стеклянную колбу, – и тут же, увидев поднимающиеся брови своего друга, пояснил, – Вы правы, стеклянная колба находилась лишь в моей голове. Сейчас же я не представляю свою жизнь без вас, без вашего назойливого интереса к моим скромным трудам.

– Скорее, без моего докучливого интереса, – уточнил Венсан, – но не будем отвлекаться. Скажите, что говорят наши

звезды о королеве, которая когда-то укусила меня. Я всегда буду нести ответственность за ее жизнь.

– Вы аргументировали свой интерес, и не оставили мне никаких шансов, Венсан. Надеюсь, что меня простят боги, если я открою чужую тайну, – заговорщически произнес Готье, переходя на шёпот.

– Неужели, профессор, вы столько времени хранили ее от меня, я бы так с вами не смог поступить?! – искренне удивился доктор.

И у них, как у двух заядлых игроков, загорелись глаза, и к ним присоединился третий – былой азарт.

– Бросим кости, – улыбнулся профессор.

– Чьи? – подыграл ему доктор.

– Наши – уже бесполезно.

И после своеобразного ритуала Готье начал свой увлекательный рассказ.

– Вы помните, наверное, мой друг, как постарались Меркурий с Венерой, уединившись в голубой лагуне созвездия Рыб. И вот на свет появилась прекрасная девочка, которую подхватил Овен, и, надо было такому случиться, что в этот самый момент повернул свою голову Сатурн.

– Зачем такую красоту доставлять на грешную землю, я лучше оставлю ее себе, – Сатурн укоризненно взглянул на Меркурия.

Меркурий был бы не Меркурием, если бы не начал свой торг.

– Разве сможете вы своей неповоротливостью и суровостью ощутить все прелести любви.

– А вы, Меркурий, конечно же, сможете, – усмехнулся Сатурн такой дерзости.

– Сейчас речь не обо мне. Я хочу, чтобы вы смогли наилучшим способом вкусить все прелести любви, а для этого необходим человек, но его, конечно же, должна родить богиня.

– Так эта удивительная история началась с нешуточного спора, который разгорелся между богами, – Венсан был в восторге.

– Да, мой друг, Меркурий предложил Венере родить невероятной красоты мальчика, который и станет воплощением любви и воли Сатурна.

С этим предложением не согласился Сатурн: «Мне не нужен самовлюбленный нарцисс, который и любить не сможет».

– Почему не сможет, себя же он любит, – пошутил Меркурий, а на ушко своей возлюбленной Венере прошептал, – Седина в бороду, а бес в ребро.

– С Венеры и так достаточно, она уже родила прекрасную девочку, и нет мне теперь покоя. Пусть лучше родит Артемида, – возмутился всеми уважаемый старик Сатурн.

– Почему я? Вам же известно, что я девственница, ни один смертный мужчина не смеет на меня взглянуть, поэтому не может быть и речи ни о каком зачатии, – богиня не собира-

лась уступать Сатурну. Этим она ему и нравилась.

– Но вы же – богиня охоты, постарайтесь, как-нибудь изловчитесь без зачатия родить, вы же помогаете роженицам. Мне нужен ловкий и меткий стрелок, – мудрый Сатурн знал, с какого бока подступиться к тщеславной и такой строптивой девушке.

Но Артемида была не только упрямой, но еще и мудрой девушкой, поэтому волю Сатурна нарушила, вначале она родила девочку, которая очень любила сочинять сказки – Сеи Нерим, а потом уже на добрый свет появился ее брат – Иф Погиз, и все закрутилось.

– Так кем был все-таки Иф Погиз?

– Смертным, но с задатками Повелителя, то есть самого Сатурна, но он даже не догадывался об этом. Это и к лучшему, потому что неизвестно, чем могла бы закончиться эта история. Так-то, мой друг, теперь вы знаете, как невероятно сошлись в нашей истории звезды, и эта история любви случилась. Мы не ощущаем их присутствие в нашей жизни, но мои несуразные, на первый взгляд, волшебные очки, дело их рук, и мне не нужен больше телескоп, чтобы разглядеть на небе новые вспышки, так наши планеты – наши боги воплощают свои самые сокровенные желания, которые они могут реализовать через ветхую плоть человека. Но оставим наших влюбленных, отправимся лучше бороздить необъятные просторы вселенной, где нас ждет история об удивительном мальчике, – и Готье указал на тетрадь в черном сафьяне.

– Но это уже совсем другая история ..., – за своего друга продолжил фразу Венсан.

И стоило ему лишь это произнести, как мгновенно опустился темно-синий занавес. И в центре этого занавеса он увидел маленькую яркую вспышку, которая на глазах удивленного доктора стала стремительно увеличиваться в размерах.

– Комета, – произнес доктор.

– Нет, скорее звезда, – ответил профессор.

И вдруг она погасла, ее темные очертания стали напоминать кратер, и на глазах удивленного Венсана и Готье стали происходить удивительные метаморфозы: края кратера, как оползни, поползли вниз, и из них мгновенно выросли горы, одна из вершин которых взметнулась ввысь. На ее огромном выступе, доктор с профессором смогли рассмотреть мужчин в широких плащах, стоящих полукругом, а в центре стояла она, та самая королева, на плечи которой был наброшен плащ, усеянный маленькими светящимися звездочками. Королева и была тем центром мироздания, который заключал в себе невероятную силу. И даже сама Артемида, эта печальная богиня ночного неба, улыбнулась ей, и показала язык Сатурну, которого она так лихо оставила с носом. В ответ суровый владыка показал ей кулак. Знай наших!

Роли исполняли:

Нита (Королева лета) – Королева тела (щитовидная железа)

Иф Погиз – Гипофиз

Сеи Нерим – Смирение

Королевская свита:

Ли МУ – УМ ли?

ГОэ – Эго

Ярогдын – Гордыня

Скромные жители гор:

Повелитель Урнатс – Сатурн

Веар – Вера

Лояв – Воля

И наши бессменные ведущие:

Готье – королевский звездочет

Венсан – королевский доктор

И другие ...

P

ost scriptum

Пожелтевшие страницы,

Старый сгорбленный рояль,

Положу я небылицы

В позабытую тетрадь ...

Маме

Моя сказка родом из детства. Очень часто в моей ладошке была зажата конфетка, с которой я носилась по двору, эта растаявшая конфетка была предназначена моей маме. И,

чем дальше сейчас ее путеводная звезда от меня, тем ярче освещает она мой путь, тем сильнее я ощущаю свет ее неугасимой лампы в моей душе. Моя любовь перекочевала из моей открытой ладони в сердце, сказка – это мое признание в любви моей маме.

– Читайте сказки, – обращался к молодому поколению Олег Даль. Сказка, как считал артист, адресована не только к маленьким, но и взрослым, она открывает колоссальные возможности для всех людей, только через сказку можно вернуться к тому, что было в детстве, через нее в человеке может родиться прекрасное. Сказка может быть в человеке, и тогда он прекрасно может все видеть: снег, дом, солнце, улицу, людей, жизнь...